

ИСУПОВ ЧЕЛОВЕК

тридцатое февраля
серпухов 2018 / 3

ИСУПОВ ЧЕЛОВЕК

тридцатоефевраля
серпухов 2018 / 3

Исупов

«Человек». Стихи. Серпухов: Изд. «тридцатоефевраля», 2018. 266 с., ил.

...И третий томик, самый, кажется, близкий к автору и его герою(ям) — иногда, как смиренная рубашка. Насколько он и они ближе к своему псу, а тот недалёк от человека?..

Иллюстрации Элизы Дуглас ([Eliza Douglas](#)).

Обложки:

1-я стр.: Sun Spilling Everywhere On Me, 2017 (везде — холст, масло).

2-я стр.: O the Night, Mysterious and Purple, 2016.

Шмуцтитулы:

(I) Родился человек — и завертелось: Black Night, 2017.

(II) Частицы яблоч: I Really Mean It, 2017.

(III) Капли речи: My Heart Will Yearn for Yours Through All Eternity, 2017.

(IV) Стёкла колки: Live a Whole Life, 2017.

(V) Я мне надоел: Sparks Upon Your Face, 2017.

(VI) А синь письма?: Black Butterflies All Around Us, 2017.

© Исупов И. М., 2017

© Изд-во «тридцатоефевраля», 2018

© Elisa Douglas, иллюстрации

Человек — это длительное усилие.
Мераб Мамардашвили

I

РОДИЛСЯ ЧЕЛОВЕК — И ЗАВЕРТЕЛОСЬ

Элиза Дуглас (Eliza Douglas)
Black Night. 2017

Покажется

Как ни оттягивай и как ни урезай,
как ни отказывай и как ни забивайся,
в окно забитое толкнутся март иль май,
когда на спичках, соли, мыле, квасе,
исписанных до синевы листках
и ровном почерке столовой пыли
и дня не вывести, и, всё в следах,
распутье указывает на промилле,
которое в крови оставит звук
спешащей «скорой», речи при погрузке:
«В нём пропасти вина» и мой испуг —
покажется, что говорят по-русски;
опять вернут бог весть зачем, и вновь
покажется, что голос, копь возвышен,
так одинок, что, как ни обескровь
его, он — голос и, наверно, слышен.
Покажется.

Настроение

У беглых строчек соли на столе

«Я не нашла листка, а ручка в доме —
к писательству, ко смыслу в журавле,
а мне б попроще зяблика, мне кроме
“телячьих нежностей” не нужно ничего»

уже не суета угрюмых вскриков,
но похоронный пляс, но шутовство
на кладбище, и, сыпью расчирикав
его плацдарм на

«Завтрак сможешь сам?»,
«У чемодана колесо хромое —
но собрала», «А ключик — к небесам
на шарике, надула (см.)»,

в настрое

«Что́, стих нашёл? Так радуйся, дружок»

себе не отказала:

«Жаль собаку —
ты и её беспутное обжёт».

Слепило солнце, будто мало мрака.

Человек-в-трусах

Без предварительных заметных деформаций
 ни сесть писать, ни выйти на троих
 (в одну из человеческих популяций
 кому изрядных, а кому былых,
 текущих во дворе под всяким небом);
 да и не примут (стол, перо, стакан;
 покуда в этом парусном, свирепом,
 с приветом мире ты не бит, не рван).
 В одних трусах (так, кажется, виднее?
 чтоб пять тянули) чинно обойти
 (и наливали, вторя ахинее)
 весь двор, остановиться посреди,
 строфу в блокноте черкануть (такую,
 чтоб трезвым прослезился дом-музей...
 пардон, квартира) и, сказав: «Взыскую!»,
 плести стихи и заводить друзей.
 (Впредь только так, и — не-а интернетам, —
 проверено: читатель прям и прёт
 прям сорняком. Во веки присно летом
 я, Человек-в-трусах, иду в народ.)

Когда разгуляюсь

Ч е т в е р г

Ни в одном глазу до боли,
в тьму на пламенный четверг
клокотал я и глаголил,
бил язык, как бремя сверг
безысходного похабства —
пьянок с бабами и без:
неделимый день упрямства
был воистину — и трезв.
Строил планы на четверг,
но удел их опроверг.

Сяду с солнцем за Монтеня,
наизусть вгрызусь от — до,
думал, даже сел, но Веня
пóд руку толкнул: ты чё,
неужели в электричке
никогда не принимал?
Наповал убрал в кавычки:
был я «горький», стал бахвал.
Тайно втиснулся в вагон,
пойлом полн, опустошён.

П я т н и ц а

Западали в память щёки:
щетина рвалась сквозь тлен:
бой яичный, рук попрёки,

рвань газетную («...взамен
курды скрасят Тель-Авиву...»);
отражение — полиграф:
поручить локомотивом
не пустили, подорвав
экономику депо:
машинисту врезал по.

Дуализм души и тела
(чай с Платоном, как надрыв):
водка не осточертела,
коли чуток, то есть жив:
позвонили: друг воскрес.
Согласился наотрез.

С у б б о т а
Помню: гражданин России,
друг людей милицанер,
в нас стрелял без анальгии —
сверх рыданий например.
Вырывал поллитру слёзной
на виду у всей страны,
а ведь третьим скрупулёзно
подавал. Потрясены.
Как не выпить в такой день.
Не отдали. Нас задень.

В о с к р е с е н ь е
Закошение в пороках,
горевала... Вот, забыл.

Имя. В книжных эпилогах,
нахлебавшись всяких сцилл,
эти дамочки святые
мужиков своих блюдут,
а моя под выходные
села на седьмой маршрут,
и... А жизнь всегда изгойство.
Черканула на листе:
извини за беспокойство,
ужин, сволочь, на плите.
Выпьем, Аня, где же штоф
врачевства от катастроф...

П о н е д е л ь н и к
«Он живаго иль мертваго?»
«Из двери, как бутерброд,
мордой выпал, тело наго...»
«Как всегда, переберёт...»
Я сегодня в кураже.
Крови хочется душе.

В т о р н и к
Выпадающие руки,
противление среды —
коей день стаканы хрупки,
о края ломают рты.
А кричали: миру мир,
но виском о пол до дыр.

С р е д а

Заглох (сломали)

*Вон там убили человека,
Внизу — убили человека.*
Генрих Сапгир

Опять сломали человека:
лежит степенным в кои веки,
приспущено, как брюки, веко, —
небось, закончился завод.

Ему б пружин — а дуют в рот, —
не породнится, не пошлёт.
Животное сопаткой тронет,
собаке ясно: дохл, непонят,
люд люду — скот и антропоид,
моча на ваши «эй, пошла»!

«Агдáму» б, честного бухла», —
шептали губы, но тела
сновали вешними лосями,
теснясь по улице с боями,
и просьбы сделались мечтами.
Так от карателей и сдох
на остановке «Гроб врасплох»
с последним словом: «Я заглох».

Стакан вина (nature, чёрт, morte)

Бумажный, как надой, стакан вина,
изнеженный глотками понарошку;
когда с мениском — перехитрена
скорбь трезвости и лица бить за трёшку

что человеку справа по метро,
зудящему в трубу, чтоб не сдаваться,
что даме на балконе, болеро
приспичившей выделявать в прохладце
каковского (Осква? Ебург?) ничто,

лениво. Прихлебнуть замысловато —
соломинкой (засос ценим по сто) —
портвейного до риска невозврата,
и видеть сны о том, как грусть ушла,
и со среды забор воды из крана
как тепломассо- и обмен бухла
стаканного и блеск бельмес-сопрано
внутри «доколе, сволочь» на-на-на
здоровый, сука, образ этой жизни,
а в сероводороде бузина,
а Киев искушает: дербалызни.

Но — нет вине. Он зрелость, мой стакан.
И по ветру умеет: вот винище,
вот грани, вот летящий из тукан,
летящий в; герои, кстати, свищут:

«Но вот зачем разбрасывать вино!»
Затем, что я бумажный, чирк — и шорох
(не твоего дессу, жаль, что умно),
пошаркивая мной, бежит, и в дёрах
нет толку — карандаш ещё не мел,
а лист бумаги — повод для швырянья.
Я написал похмелье, как сумел.
Сгораю. Извините. До свиданья.

Вот я: клочки наскальных под столом.
Смахнул, чтобы не быть особняком.

Чемодан вина

...Чтоб голая ходила...

Пьяная ходила...

П. Н. Мамонов

Игристое, зелёное, людское
вино цветёт в горсти, а на губах
улыбка бьётся о прибой, прибором,
смущеньем времени, отложен выкрик «ах!»,
что задирался вырваться в ответ
на чемодан. Но, горстью разогрет,
рот тянется к ковшу твоих ладоней,
и звук таится до поры тепла,
которое чем глубже, тем лужёней,
тем тру́бней, дольше «ты подстерегла!»
как удлинение «ах!» до стороны
прямоугольника вина. А глубины,
его «по локоть» или «по колено»,
мы не узнаем, коль диагональ
не будет вычерпана и вино по венам,
кровь заместив, не ринется. А жаль —
так хочется, чтоб впадина была
от зыби до календ и ни весла,
ни зим протяжных вовсе не хватило
на небрежение ко взглядыванью в дно,
чья сопредельность — утренник могилы,
чьё приближение не предрешено,
покуда ходишь пьяная от нас
и голая — не вскользь, а напоказ.

Мы дети тем, что веем между небом
и шаром, на котором поднялись
и над которым легче при свирепом,
при воспалении чувств — виднее высь.
Ты плещешь чемоданами вино;
подстерегла — и мы теперь одно.

Чайник вина

Печален чайник за заботой:
 усохнуть до полночных гущ
 в час между толком и зевотой,
 когда любой ещё сосущ,
 дух вон, но пару опрокинет,
 а эти — до краёв... Покинут,
 на улице кричат: «Морозы.
 Вот-вот посеребрят браду.
 И прочий хайр простоволосый.
 Скорее чайник на плиту».
 А эти заставляют дрогнуть:
 излит до срока, но не согнут.
 Он мёртвый, а она девица,
 в два чайника пивать дотоль
 им было в песню; напоиться —
 и взмыть; вино не алкоголь,
 а диво. Эти — знали. Оба
 спускались с неба, выпить чтобы.
 На улице смешат: «В окопы»,
 и дети, сопли до колен,
 кагор, отбив у протопопа,
 отогревают. Взятый в плен,
 в прихлопах преет вечный чайник:
 дурной от водки, но отчаянный.
 Встревожен чайник за работой:
 до дна излиться поспешить,

кому охота... Им охота
заснуть до «Нóчи, малыши».
Ну ладно, ладно, может, эти —
последние на шаре дети.

Сегодня (набросок)

Вот русский, преисполненный *сегодня*,
едва переломив хребет *вчера*,
полураздет, одной ногой в исподнем,
он гасит ёлку и кричит: «Ура!» —

и зажигает ёлку. Если день вонзится

зубами в мякоть ночи и к утру
все выживут, открестится больница,
и темнота уйдёт, и на ветру
дом выстоит, а буде снег, то в крыше
есть к свету ход, лопаты наперёд
заведены в хозяйстве, как и лыжи,
хоть и не смертны, твёрдо залянет
заботливым тавотом инструменты
и воском наострит — задаст сполна,

то горсточка надежды, аргументы,

что будь что будет и, отмолена,
жизнь повторится и опять обнимет
до крика в рёбрах или как жена,

ему покажутся. И, во стыду, за вымя

бурёнку тронет: «Как же ты славна»,
и с лета притаившуюся сферу —

бок самый наливной — пооботрёт
и под глоток еловой атмосферы
увязнет в яблоке, и призовет народ:

«Домашние, которые смышлено
по лавкам ждут, когда я в толк возьму,
что день настал и снова веретёна
в руках судьбы устроят кутерьму!
Я верую: пришёл и вероломен,
и всем покажет, если мы смолчим.
Давайте же до яблочных оскомин,
до севших голосов и пантомим
жить этот день, он первый и последний».

Он зажигает ёлку и, глупя,
орёт, отплясывая: «Снова малолетний!»
Так день за днём он горячит себя.

Погреться

Пропойцы в булочных и в винных старики
меняют стужу на теплоотдачу,
желая батареем наипаче
и пара лёгкого, и «в ноги затеки,
а то там полюс». Доброе тепло,
услышав заклинания, усилий
не пощадит и, даром что ванили
изящной сдобы и бухла стекло
располагают, но «не надоть», «отвали,
я тут погреться», возвеличит градус, —
и па в трёх четвертях прыгучий Штраус
уймёт притопы валенок ужли?
Ужли, ура, уймёт. И можно вновь
вприпрыжку за «Орловским» и агдамом, —
но, потеплев, ты вторишь панорамам
окон, в которых, сука, нелюбовь:
мамаша с выводком пушистых дураков
канючит хлеб у пахнущей машины,
а та в окно, паркуясь, матерщины
вершины красочные вместо пирогов,
и задувает так, что дураки
и не хотят, а катятся к колёсам,
и мать в налипшем колтуне белёсом
острит метельной ярости клыки,
и бабы, нет бы дома, на сносях,
откуда столько, вместе с мужиками,
конструкторами, плотниками, ртами,

строчат снеговиками второпях, —
куда вы стайей, круглые, в метель?!.
Не леденит ли? Леденит. Под эту манку...
Ещё чуть-чуть и, может быть, баранку —
а там и в путь за красным в акварель.

Перепись

Старьё с пропойцами из булочных и винных отказывали шедшим в пуповинах:
«Кресты с собой? Ну ладно б чертежи». —
«И в животах зачем-то малыши».
Но кто-то вспомнил: «По местам прописки стоять положено по самые мениски». —
«Ах, точно, *перепись*. Вот почему спешат». —
«Но сразу столько женских лемнискат?...» —
«А вдруг одна из них она... — я вдруг подумал и взвился в снѣги под небесный купол. —
Ну ладно б кульманá... Зачем вам крест?» —
спросил, нагнав. — «А если путь поест? —
ответил плотник, ибо был с рубанком,
и это было в пору нашим гранкам. —
Нам выметаться долго — [сон далёк](#).
Я Осип, кстати. Ну а мотылёк,
что впереди свербит... Убавься ж!.. — Маня.
Нам жизнь давать на днях, она заране...»
Но бил в виски заранее агдам,
и ответвился я к петляющим следам.

Сочельник

Лишь в булочных и винных звук волнист,
и иногда пропойцы и старухи,
губами шевеля, бормочут свист
не пуль, но тёплый, что свернётся в ухе,
ушанку одолев и пустоты́
гул орудийный (то салют, то Ирод), —
и замираешь, сух из череды
выходишь, словно ты ещё не вырыт
и не упрятан в землю по сажень
над (что сильней топорщится у трупа?):
«Не забывая нас, куда-то день
чужие разговоры. Мы же сглупу
не о Тебе сегодня говорим,
но о себе — пусть будет так, но позже,
когда родишься...» Но у долгих зим
у долгой стрелки прибранные вожжи:
«В воскресный день так хочется вина!»
«Мне б хлебушка, хорошая, мягчее...» —
И в то, что свесилось, влетает «иди на»,
и зубы крошатся, собой ещё владея.

Рождество

¹Из булочных харчи, из винных — влагу
отцы пропойцам не передадут —
поди узнай, куда их укатали:

²в менты иль медицинский институт,
бить будут или резать бедолагу
на ростбиф 1-й сорт, как симменталья.

³Гаврилов, лейтенант, начальник ночи
с сочельника на что у нас сейчас,
нежданно нежен, ибо: «Ёпт, слыхали,
⁴я резал пуп, пацан, голубоглаз,
я замахнулся — он как захохочет,
а мать с отцом намьлились на шпале,

⁵пряма на путях, но я спешил на смену, —
была ментовка, а теперь роддом;
пацан, пожрав, в коробке для вещдоков,
⁶у став смешить, уснул затем пластом;
и взвесил бы, но не было безмена;
пуп перерезать — что кровоподтёков

⁷на теле не оставить, — как два пальца,
я колбасу, и ту, порой с трудом.
А где сейчас? — Кой-где на верхней полке:
⁸избыл, в “Грауэрмане” пресвятом,
халаты славословили сосальца;
а грудь не очень, хоть в одной футболке».

⁹«Ах, миленький Гаврилов, если выйду, —
подумал я опять (трамвай угнать —
что написать эклогу, суть горнило), —
¹⁰младенца отыщу, а с ним и мать,
и, памятник ментам черкнув как виду,
скажу спасибо — зáвтра наступило».

Грауэрман

Вот новость новая, и нет её новей:
родился Человек — и завертелось.
Шепнул себе «скорей себе налей»
Грауэрман, пробравшись в оголтелость.
Случилось лучшее: созданся Человек,
и чтобы извести Нас, нужно время,
а там, глядишь, в пространстве на ночлег
Он остановится и выпростаёт семя
из-под тоски и времени беды,
и свежий Человек в снегах за морем,
перелетев облавы и посты,
вдруг прорастёт, и Мы опять спворим
ещё краюху жизни, и века
закружатся не прахом, но юлою,
хотя ещё вчера гробовщика
вели, как молодого, к аналою,
подумал о цене Грауэрман
и выпил, а потом опять, и Маме
ощупал грудь: «Нет, Мама, не обман,
он будет сыт — с такими закромами».
«Пусть не штыки вонзятся ваших дам». —
Он вспомнил, что забыл о телеграмме. —
Нескладная, но правая». И Сам
ему почудился с рукой на стойком сраме.

Фет

Отроешь мир — а ну как он не тот?
И за душой не Фет и сигареты,
лишь алчущий застольный пишевод,
и тянешь из кармана... шиш да нету!
Ещё не умирал, не убивал,
ещё пешком под стол — а: «Нету, суки!» —
отрывисто, как штурмовой вокал.
И Сам, пославший деток и их хуки,
тре... что? — тревожится: отбили, но едва;
и, выдавая матери котлету,
носами шмыгали, а мать, полумертва,
ни слова, а в глазищах «понаеду
со всею густопсовою роднёй
и сглажу ссору ножевою раной».
Но упреждали Ивановы и с землёй
Петровых, как катком, порой охряной
ровняли сами, и осенние дубы
кладь переваривали, благо она нетто,
чтоб детям Ивановых рвать пупы
досталось, гулко щерясь: «Шиш да нету!»
Но это как сказать: ложилась тень,
и Сидоровы грелись чуждой кровью,
и прерывались Ивановы, но не лень —
ножи превосходили сквернословье...

Так хочется родиться в ранний час:
холопом Шеншиных*, под знаком Фета,
и замечать, поблизости топчась,
его небесные земные силуэты.

---

* Фамилия А. А. Фета по отцу — Шеншин. Собственно, это и есть его настоящая фамилия, под которой он прожил первые одиннадцать и последние девятнадцать лет.

Она заживает (первые дни)

Поспешность бесполезна этой сцене —
 у только что родившегося нет
 пространства-времени, а все его сажени
 и терции закруглѣны в ранет
 груди вдруг возникающей, а следом
 за сытостью — вот мера первых дней —
 находит *ничего*, как будто летом
 схватить одну из ветреных смертей:
 замаяться от ласк и оступиться,
 шагая краем южной крыши у
 без задних ног свалившейся юницы,
 которой скажется: «Рожу и заживу —
 я вытерплю и зарубцуюсь даже,
 я затянусь!» Но эта *темнота*
 исполнена руками, и в гуаши
 её густых мазков не пустота,
 а ничего, в котором нет покоя:
 дождь в абрикосы вцепится всерьёз,
 и из-под веток дремлющие двое
 перебегут, прижав себя, под тѣс;
 «Ты дождик пил! — поддразнивает мама. —
 Губа не дура — и притом хитра!...»
 Сад очертит её оконной рамой,
 а время подтолкнѣт дитя: пора.

По компасу

Я по компасу выйду на улицу:
к чёрту север, насвистывай, юг, —
надоело мельчить и сутулиться,
снег сметая с сугроба и рук,
снег метущих в сугроб выше возраста,
когда ходят не строем — пешком,
рядом с мамой и рожницей попросту
в снег ложатся и слышат: «В густом,
в этом белом мушином кружении
мне завидно, я тоже хочу,
вот бы сделал один предложение,
я б щекам запасла кумачу,
но сказала б: конечно, подумаю,
снег закончится — сразу приду,
и в метель с чемоданом угрюмою,
чтоб не думал, что не вмоготу
без него, прибегу, припожалую,
отогреем друг друга, и снег
потеплеет и, самое малое,
занесёт всё вокруг на парсек.
Мама вырастет, станет невестою,
и, как ты, упадёт человек
вниз лицом, это я так подействую,
потому что не нужен и снег».
Север, север, мне скучно заранее,
юг на севере тоже хорош,
заметают до замуравания,
но туда просто так не дойдёшь.

Конечная (везу конфеты сыну моему)

Памяти Веночки

Собака нежная, как этот полустанок,
 на грудь кидается, готова чемодан
 нести, но нет его, собака, — из осанок
 приезжий твой предпочитает «сдан
 друзьями с инвективой: до конечной
 ему, не кантовать, не то, козлы...»
 Смешная. Чемодан. Эй, первый встречный,
 дай труд себе сказать, тут так светлы
 рассветы, оттого что не закаты?
 Какой шелкóвый тон у ваших утр.
 Да нет, мы не немного языкаты,
 а до испуга, ибо Он премудр —
 доставил и ссадил на бархатистых
 наощупь мягких рельсовых путях,
 и, благодарный, я хотел их тискать,
 но задремал, и вот у вас в гостях.
 И спрашиваю: это правда вишни?
 Я выпил горсть, портвейн, его стакан,
 на вкус грубее. Или: наш Всевышний
 действительно не чёрствый истукан
 и окружил вас вот хоть заливными
 лугами и ручьями, где форель
 расплещется, гуляя с водяными,
 и ты уже не воля — а кисель:
 сам Фет, строчишь: *сейчас раскину крылья?*
 А по дороге к горизонту дождь

застанет меня в поле? От бессилья,
что всё равно иду, что толстокож,
до нитки распоследней и простуды
промочит? Славно. Можно обниму?
Сын поразил: завёлся ниоткуда.
Везу конфеты сыну моему.
но туда просто так не дойдёшь.

Ты приехала

Мне хорошо, когда вода из туч
и ветер из розы в проливном припадке
в дожде теснятся, если тот колюч,
упрям и зол, талдычит по сопатке
кусками сыри тяжестью с кулак,
и бег остановиться не способен,
покуда не хлебнёт подушных влаг
из воздуха над родиной колдобин;
стоишь потом в продмаге за вином,
и ливень, что привёл с собой, божится,
что был весьма, не здесь, а за окном,
вот и рубли, товарищ продавщица,
нуля сухого не осталось, но —
билеты банка, ходят, мне сухого,
да, мокрому, действительно смешно;
а тут и на дворе опять свинцово,
и шумный и глухой, как «п», разлив
воды за шиворот, сухого по стаканам —
вдруг ты приехала! — опять, разбередив,
погонит прочь — нестись под барабанным.

Убивает (прописи)

«Вот слово, Вася». Васе всего пять,
и слово небольшое, как *всего-то*.
Курил под одеялом. Мать опять
повергла в трепет. Так и до икоты,
а там и заиканья, — лишь испуг,
ещё один, и судном на подушке
не капитанствовать, а ваших шоферюг
не предлагать; вон спит на раскладушке
один такой, папá; и до беды —
орлянки, двоек, девочек за косы,
портвейна и душевной пустоты,
когда ты мент и бьёшь людей, а слёзы
тебя ничуть не трогают, зато
длина мужского члена у майора
волнует, как Тургенев Виардо, —
рукой подать, мамá. Как до шофёра.
Окурок вырвала — и лекцию читать:
«...Вот это слово: “убивает”, нежный Вася».
Душой болеет — женщина и мать.
Слова, как и бычки, всегда в запасе.

Мартовская мама

клубок малиновых стихов
вязанка спиц чтоб выходили
со мной зимой в жилете или
весною парюю носков
таскались измеряя лужи
и палец ввечеру наружу
просился нить переборов

в четыре спицы как катрен
март у ручьёв свои законы
им паруса подай в затоны
вязала строчки до колен
и воды делались бездонны
а сапоги открыв кингстоны
тонули кораблей взамен

мы погибали иногда
коль лёгким полагались хрипы
неделю опивались липой
и воскресали в никуда
окно забросив акварели
март низводило до апреля
взбухая полосой холста

но верен марту чемодан
и мы тянулись за погодой
урвать расстёгнутые воды

среди ребячьих северян
ручьи пришли в свои начала
я выпевал их ты вязала
об эту пору всякий рьян

Ненадолго

Когда я вырасту и мама не заплачет,
дорожного меня в дверях целуя
(мала слезинка, а как много значит:
уж «дядь, достань», но рано врассыпную,
ей кажется, расти мне, вот и слёзы
закапали тельняшку — я в тельняшке! —
солёным чёрным горем, двухголосый
оркестрик наш поверх пятиэтажки
звучит невесело, воробушков стгоняя
в задёрганную замкнутостью стаю,
готовую хоть летом, хоть трамваем
подальше от, поближе к «я летаю
куда хочу, я вымахал, я птица»;
мне кажется, мечтая о просторе,
я так и не сумею застыдиться
себя нетвёрдого, и отвердеет море,
а тельник мокрый — всё-таки не брызги,
а рост под притолоку — это ж в треуголке),
сомнения упрячу в астериске*:

---

* какого чёрта, я же ненадолго!

Цитиус и альтиус

Когда ты сделан из любви и удивлений
и падаешь, бывает, с этажа,

и мать (сказали: «с пятого!»), щемлений
не замечая, чем себя смешала
(полуживое сердце от рожденья),
бежит сквозь город скопище км,
а там всего-то третий, и смятенье
почти напрасно: шов по хохломе
искромсанной ноги сочтён прекрасным,
«а отрезáть её я не хотел»,
хирург отрезал, и протяжный гласный
в «спасибо, доктор!» прогоняет мел
с лица единственного далеко не сразу,
и ночью «скорая» стучится не к тебе...

ты прыгаешь. Ты скачешь до отказа —
ты сделан из пружинок и т. п.

О, цитиус и альтиус! Вы — шкёты:
чтоб дальше-выше было, пролетай
над дóсками с гвоздями, и ни кеды,
ни пятки не окрысятся; за край
упал — и славно, думай о рекорде,
но для него понадобится бой
бутылочный, оконный по всей хорде,
и наберётся сантиметр-другой...

Ты прыгал — знаешь, тут зачатки, зёрна:
когда ты сделан из одной любви
к тому, что видишь, это не зазорно,
не долетев, испачкаться в крови.
Ты прыгаешь. Ты прыгаешь всё время.
Всё время выше. Выше головы,

доказывая старой теореме,
что та доказана: пока живём — новы.

Путь, Ноги и Балбес

Точка, точка, расстоянье,
 Ноги протирают Путь.
 Восхищённый ковьяльнем,
 он готов переобуть
 город на опушку леса.
 Ноги мнутя: «Вдруг там грязь?
 Мы же голые, Балбеса
 не марали отродясь».
 Но за лесом будет речка,
 вы отмоете себя,
 по теченью недалечко
 пробежаться, «ух!» вопя, —
 удовольствие из самых.
 «Ладно, двигай нас, Балбес».
 Грязь по пояс вязче в ямах,
 а в трясине — до небес.
 «Только не со всею страстью!
 Впереди ещё зима,
 Север, полюс (там, по счастью,
 страшно чисто) и мамá.
 Ах, она тебе покажет.
 А теперь хотим простор!»
 Безмятежным небом нажит —
 надевайте! Сух. Нескор.
 «Слышал? Нам до горизонта!
 Пообсохнем на прямой».
 Дали требуют ремонта —
 извините! Марш домой.

Серпуховский перелив

Here's a girl from dangerous town.
Joseph Brodsky

Вот город из смутного детского времени
(чем старше, тем ярче античные сцены):
в мозаиках, метящих прямо по темени,
туземно-панельные серые стены

(Гагарин, свободный от пут гравитации,
расправился с гидрой, дразнящей Ньютона;
[Стрельцов](#), разрывающий рты популяции
хавбеков от мата до скорбного стога,

и прочее) скоро сбиваются в улицы
и ломят на стены нездешних этажек,
стараясь помалкивать и не сутулиться,
с цепями в руках за отсутствием шашек.

С небесными лицами, «вот, не скопытили»,
смущённо являлись пред другом взрослее —
дня на́ три, на те, что посменно родители
седели вокруг своего дуралея.

Речь

Речь — репродукция реки, она течёт;
она течёт вверху прозрачным слогом —
гортанным торопливым монологом:

а

Куда вы маму? Мне же с нею мёд,
ах, перестаньте, мы вот так живём:
по платью на мартышкин с обороной
и на весну вдвоём или втроём,
когда и если хахаль по наклонной
катиться прекращает и весна
приходится на окончанье срока,
а в зимы я один, она одна,
а вместе беззаветно и высоко,
надолго вы её? Её порок,
наверно, и меня не пожалеет?
Я умствую и вижу: городок,
я, заскорузлый, возле бакалеи,
вдруг падаю, и масло подо мной
течёт, как Миссисипи у Огайо,
напористо, и кто-то за кормой,
уже не я, смущённо иссякает.

Уносят ли, сама ль бредёт — бежит,
бежит то перекатами, то плёсом,
посередине мы разноголосы:
согласный «а», а «б» уже самшит:

б

Дурак — всегда простак, и у него,
 как в сказе про «ого!» на ровном месте,
 случается душевное родство,
 и хочется побыть с другою вместе,
 ты понимаешь? У неё — беда.
 И я не знал, ещё раз, что ты дома.
 Мы б только чаю. Может быть, в уста.
 Они, как розы. У неё бластома.
 Да ты не улыбнёшься никогда.
 И этот взгляд «тотчас ему картечи».
 Вот здесь. Я трогал. Вряд ли ерунда.
 Ты хочешь, чтобы снова покалечил.

В низовьях, у впадения во смерть,
 во смерть вдаваясь, языку неловко —
 ноль близок, и отсюда фразировка:

в

Упал зачем-то. А асфальт-то твердь.
 Ну что, в крошечный или вознесёт?
 В подсолнечном теку. Вот клоунада.
 Поди, не отстирать. И это всё?
 Да, мальчик? Не жалея себя. Не на

Гравитация

Засиженность меня не обижала:
 ну птица села, ну приполз отец
 и сырью из колючего овала
 лоб вывозил: «Всегда с тобой, малец».
 Заснеженность усваивали дали,
 и, постигая эту красоту,
 они ногами ей надоедали —
 затапывали! Им неважно
 летать по-над, а мне смотреть на это:
 гордитесь жидкой твердью, но, но, но!
 Не вами на город пушистое надето,
 не вам и раздевать. Забить окно
 упрасивал: Плюс Три распушит руки,
 и тушью отзовется акварель,
 я зачешусь заботой о разлуке,
 я вспомню, что не авиамодель,
 а человек я, как и снег, летучий,
 рубашку усмиренья развяжу,
 и это будет первый в смерти случай,
 когда стрелять придется по стрижу, —
 так выпростайте мои крылья сами!
 Но — отползали, клацая дверьми,
 но — гравитацию высмеивать часами
 могли запоем, хлебом не корми:
 «Не выше пятого, — осаживали, — “лётчик”!»
 И поводок одергивал балкон —
 а ты с него кричала про денёчек,
 когда мы возвратим Ньютону сон.
 Когда?

Снег косит

Улица пуста, как может быть пустой только улица,
но косит снег — и возникающие сутулятся,
вмешиваясь в пустоту перекошенных твёрдых вод.
Сколько их, скомканных и остроногих? Вот:
записи, суточные люди, лишь несколько смыслящих, —
заваривал чай, но следов не было, так что сыплющих
нижними женскими и мужскими — чуть. И лежащая ниц:
разбросав хлеб, она склоняется ниц и падает возле птиц,
а потом, как и снег, рука на локте, вглядывается искоса,
заметаемая, задрёмывающая, из положения низкого,
ибо «Что выше птиц? — спрашивает, откопанная, себя,
теребя снегопад, край платья — как у доски, но любя
эти мгновения больше всего, поясняет: — Выжили:
птицы, я». И её волосы, оттаяв, оказываются рыжими,
и их хочется трогать, и приходящий вечером человек
оказывается человеком: раздевает её, ибо снег
с ног не падает, согревая их, умеряя их одиночество.
От окна отхожу уже спящий, когда всё дочиста
выбелено, и люди в рост, а не мошкá в стекле:
исключительны и от снега крепко навеселе.

30 февраля

*Лист короткий, как день конца зимы.
Тридцатого, в февральскую кончину
(безвременную, ибо не по чину —
дурак, что бѣлит дальние холмы,
жить должен долго, потому что снег —
наш инвентарь, и люди, жучки, санки
хотят катаца-мама и в болтанке
ломаца даже, до смешных калек
(ну, ноги там, спинные позвонки —
болячки детские!), лететь-ма впрёд до этих...
до вешних месяцев в ручьях и в гололедах
от луж лекарство видеть и катки
(катки-ма — тоже панацея от).
А дамочка, что снег терпеть не может
на задранных при слове «первый» рожах,
в рисунках снега в волосах вразмёт,
на лепре улиц русских городов,
белёных по моторные макушки
в «отрой меня, водила» почеркушках,
блескучая в усах инспекторов,
пусть рук не распускает, никогда;
а жить положено — случится, даже долго,
шуми, красна, раскатисто, но долга
пред снегом, не простим), бежит вода
по венам, и проверить бы, но сил
нет даже на простое упражненье,
что ж за неповоротливость тюленья...
А листик короткий: «Спасибо, ма. Жил-был».*

Разминулись (любственное настроение)

Ещё чужие и проходят мимо.

.

Он, поравнявшись и кивнув: «Привет»,
не отрывает глаз неисправимо,
и на затылке йскрится фасет,
в котором светятся зардевшая шея
и капля просьбы, чтоб не дал пройти,
сбегающая в ворот, леденя,
когда он остаётся позади.

.

Она, до встречи звавшая глазами
любого улыбнуться, стать теплой,
туманится, смерзается комками,
ей отчего-то больше муравей,
которого едва не задавила,
вдруг любопытен, но сказать ему:
«Тут бродят муравьи! Свои бахилы,
следя, пристраивайте не по их письму.
Прошу вас впредь смотреть себе под ноги»,
не может — нелюдимостью свело
общительные губы. «Мы так стрóги,
так безответны, ибо тяжело
никем остаться, мало ли прохожих,
когда проходит рядом человек,
стянувший всю тебя гусиной кожей», —
подумала она, уйдя в побег.

.
Ещё чужие и проходят мимо.
Уже чужие и не узнают
друг друга: «Отошла невозмутимо».
«Был тут один. Был один тут. Был тут».

Ручьём

...И целый день ручьём, а не дорогой,
плескать вперегонки со стрекозой,
что выстрелит глазами с поволокой
в поднявшуюся прочь перед грозой
мушиную оближешь губы тучу —
и не уполовинит, так подъест,
а в проливень за каплями, тягуче
шагающими с неба впереиз,
охотиться затеет, ибо продох,
умяв пол-облака, не право, но нужда:
усядется на льющихся широтах,
меридианом, с каплею слита,
скользнёт в поток, бессильно бросив крылья,
и, дух переведя, опять в подьём,
а там и небо воду вскоре выльет,
и мы с ручьём и ею заживём:
она, с галдящих комаров снимая пенку,
ручей, расправив в устье рукава,
а я, нырнув в чём был и попереизку,
с собаки на сажёнки, вдаль шлифа́
лесного озера, утопшего в закате,
скользну и лягу навзничь посреди,
и, подрастающие на небесном скате,
по мне пройдут грядущие дожди.

Притяжение

Где-то кто-то когда-то к кому-то
притянулся, и бег вперерез
сбился с толку, ноги и маршрута,
и от страха «а как же я без»
(раньше без, без сейчас и отныне),
двое, он и она, на глаза
не попались друг другу — пустыне
даже ливень что божья роса, —
но *застыли* на долю забвенья
обок, чтобы внутри пронеслось:
без него, без неё без значенья
всё вокруг, потому что поврозь;
с ней же, с ним всё ещё интересней:
вот мы, светлые, в будущем, вот
он, она, вместе нет неуместней,
уже в прошлом, и морщится рот
не от лет позади, но от боли:
мы бы с ним ни за что, никогда
не сумели б не то что на поле,
был я с придурью, я молода...
И *продолжили* ёрзать ногами,
забытьё навсегда позабыв.
гравитация между мирами
не закон, а хотенье, порыв.

И дверь захлопнула

«Произнесённого не хватит на картину
“Рта не раскрыв, сидели до утра,
она с него снимала паутину,
в которой не сдавалась мошкара,
и свитера́ вязала с мошкарою,
чтоб убоялись зѣмы за окном
его — он выходил в них, и дырою
отделялся снег во обложном
падении: он пробивал туннели,
и встречный тополь думал: уже май,
пора цвести, чтоб подо мной люднели
скамейки ввечеру и нагоняй
от неусыпной мамы стал всегдашним,
пока бретелькам с плеч его рукой
долой повадно, мама, и не шашни,
а тяготенья, мы ж наперебой
твердим: а не случись узнать друг друга,
когда он сбил, а я не умерла?..» —
И дверь захлопнула. Какая же докука,
когда встречаются остывшие тела.

Дождь и Одна

Не чай, Он стынет, и на табурет
никто не сядет, чтобы его с мёдом,
согрев его, себя, чуток комет,
к которым глаз приникнет мимолётом,
когда их свет скользнёт из-за окна
в высотный дом, где водится Одна.

В дом рослый, где живёт совсем одна,
чему причиной, может быть, война
её с холмами, у которых много
высоких, но не слишком, чтобы дом
был виден отовсюду до ожога,
когда затмений нет, её гнездом.

И с нею на крыльце. Вот он и зрим,
превыше всех холмов, бугров и кочек.
Кометам виден, ветру, своре зим,
которых к ней спровадил бог-наводчик.
Одна, а тёплая, босая на крыльце
пьёт чай и не меняется в лице.

Одна сидит, стоит, на табурет
встаёт, стоит — но нет давно комет.
Лицо весёлое, но грустное застыло, —
кометы запропали, только ветер
и тешит, опрокидывая с тыла
на где-то там шатающийся кедр.

«Быть может, осень? — думает Одна,
и губы тянутся, и ширится зеница:
продрогший Дождь бьёт в окна, как шпана,
осколки сыплются — нельзя не веселиться. —
Он чаем станет, будь я испита!»
Дождь окна бьёт, и это неспроста.

Нежность

Я вытянусь вдоль улицы пустой,
я удлинюсь фонарной шаткой тенью,
и там, где кончусь, *лило* с широтой
и удалю, и сплошь, и оперенью
горластых, да затёкших воробьёв
придётся сохнуть медленными днями,
и оставленье города на рёв
крыш, молотимых водными мячами,
и озверевших водосточных труб
уже произошло — всё было смыто;
а ты *торчала*, и с размытых губ
катилось нежное о путаности быта:
«Я в прошлый раз сама... а падал снег...
так опоздала, что он стал сугробом,
мой тёплый заплутавший человек,
он чал сейчас, раз тянется галопом...»
Перекипит у ливня лишь в ночи,
и тёплый чай покажется из дома,
где ты стоишь, и тень уже торчит —
я подхожу, вот-вот, и мы знакомы...

Дорожное

Она умеет опускать глаза,
в которых промелькнула полоса
дождя на станции «Похож по крайней мере»,
моргать глазами под колёсный бег,
в которых, кроме крыш, мелькает снег,
губами помогая той, у двери,

краснеть умеет, если я смотрю
так пристально, что стыдно словарю —
я не «сосредоточен», я бесстыжий,
вставать горазда и в другой вагон
спешить, и я, сполна пренебрежён,
читаю людям вслух во дни затиший,

вернуться может, чтоб опять узнать,
но отчего же, мать и перемать,
я вдруг ушёл, а значит — не заметил,
что был влюблён когда-то и она
с тех пор, как будто опустошена,
а день тот сволочной был даже светел,

догнать способна: «Что же, вы не он?»
А я уж и не знаю, я: «Пардон? —
И: — Мне здесь выходить. Хотите вместе?» —
«В такой-то плач? И — я полна причуд». —
«Давай-давай!» — кричит вагонный люд. —
«Чего “давай”, повежливей с невестой».

Карнавал (посмотрела)

«Да, да, да!» — сказал я, когда она посмотрела, а хотел «нет», но она посмотрела — и я сказал; если «нет», тело, общеизвестно, отталкивается от тела; условие «да» объясняет немислимое: карнавал: через весь вагон обязал её проверять билеты: «Начинай... начинайте — а я со своего конца!» «Я?» — сказала она, когда я надевал эполеты, эполеты для контролёра — как квадратность лица. «Ты... вы, — сказал я. — Эполеты — первостепенны». Народ закопался в карманах, хотя это было метро; со вздохом «душно» полез в форточки — и это гены: неизбывны зайцы, свищи их теперь, лови на добро: на «добро пожаловать, дорогие зайцы» на остановке, когда они, обрета уши, с хвостиками трубой полезут в вагон. А она, варежкой пригрозив массовке, сказала: «Спокойно, это — компостер!», и та толпой бросилась компостировать паспорта и справки из диспансеров всяких, а один расписаться дал, о господи, на делении книги на части и главки, и она — помадой, поразив... немало?.. ну нет, наповал. Как это... Волшебная сила (вот) её взгляда и карнавала. Как она посмотрела: она посмотрела потом вблизи. А вообще я тихий: не обижу и моли, словавшей жвала, но она посмотрела — и.

Знакомство

I: преднамеренное

...Она, конечно, спросит: а вы кто?
И *преднамеренное* свалится с плато.
Захлопываясь, дверь своротит нос.
Знакомство вновь вскарабкается на.
Она пошутит: я оживлена.
Я пошучу: я тоже длиннонос.

Признается: всегда вправляю тем,
кому ломаю. Соглашусь: я нем,
свирепствуйте, я буду камбалой.
Предупредит: и никаких пощад.
Я, отключаясь: рыбы не кричат.
Знакомство подогреется водой.

Она, оправдываясь: ...душем изо рта,
вы грянулись, но нос торчит — горда!
Я, поднимаясь: гладили вот так:
рот, влага, брюки, стрелки и утюг.
Она: я тоже помню этот трюк:
ма дует, на отце один пиджак...

Ещё воды хотите? Кофе? Чай?
Давай, знакомство, случай улучай:
тут и откроюсь: знаете, кто я?
Она: ещё бы: вы мой пациент.
Я: повинюсь, предвидел инцидент.
Она: подстроили?! А я: хочу в мужья.

Она: Посмотрим... что мы за друзья.

II: шапочное

Я: трогал её бёдрами в толпе.

Она: в трамвае — это не в постели.

Народ: помилосердствуйте, народ,
не прите, словно ВМФ в судьбе
родной страны! Я: не было недели,
чтоб нас не сплачивал час-пик иль поворот.

Она: за эти двадцать с лишним лет.

Народ: какое ж это *шапочное*, если
они четыре пятилетки так
телами трутся за простой билет!

Я: если он пришёл и если влезли.

Она: доходит иногда до драк.

Народ: вагон, а что ж тогда судьба!

Я: имени её не знаю, только груди.

Она: не только, и через пальто
в осенне-зимний. Впрочем, худоба
моя его, наверно, на маршруте
не трогает. Народ: ребят, ничто

так не роднит, как утренний трамвай!

Я: и вечерний, если только давка.

Она: поэтому я летом без белья.

Народ: поди ж ты! К счастью, уже май!

Я: замечал и жил весь день добавкой.

Она: а нет бы быть смелее. Я: да я...

Это я

Я постучал. Спросила: а вы кто?
Наверно, к той, что тикала тут до?

*Сначала длинной стрелкой беговой
кружила по двухкомнатной кривой,
сбиваясь с мысли на движенья рук:
они рвались до красного о звук,
когда он не был стуком в её дверь, —
пусть чашки скажут: сами из тетерь —
могли попрятаться и увернуться тож
от дующихся будто мышь ладош, —
неправда: всё равно она нашла б,
коль человек досадует — он слаб.*

*Потом, поникнув, перейдя на шаг,
углы не огибая, натошак
роняла мебель; павшие шкафы
движению мешали до листвы
желтеющей, когда заметен стал
ход месячный и ливни забивал
дворовых посадили под замок,
чтоб не один гарринча не промок
и просклонял по всяким падежам
учёбу и занудствующих мам;
нашлось и ей занятье: «жи» и «ши»
втемяшивать в смешные гольши*

голов, аukaющих: «Если в “жить стихом”
не ”ши”, а ”жи”, то это же дурдом!»

Затем, перевалив за Новый год,
застыла у окна вполуоборот
на год-другой: и слева был лишь снег,
а справа не жилище, но ночлег,
квадрат из стен, в котором от и до
бывает ночь, а более никто;
из чашек, впрочем, снова что-то пьют,
шкафы воспряли, передав уют,
и западная твёрдая скула
разгладилась — наверно, не ждала.

Спросила: к той, что вас ждала тут до?
Какая долгая зима. Снимай пальто.

Она моя

Вино курилось. Падали салаты
всё ниже, пробираясь в животы.
Кормились гости. Вилки, как булаты,
сражали разносольные хребты,
но переламывались о бока бокалов:
«Звенят, а значит внутренне пусты!»
В последнем слоге первый из хоралов
слезу тянул, как «[друга из беды](#)».
Тарелок лёг отлавливал у пола
и говорил: «Легко. Не НЛО»,
в присядке шёл дорогой леодокола,
шепнул ей между прочим: «Полкило,
а голову на перси не роняю»,
выбрасывал с балкона поддецов,
донёс её в охапке до трамвая,
дал на дорогу кучу пятаков,
«Она моя», — подумал, добегая
с трамваем вровень до её домов,
встречал на остановке. Но другая
в лицо швырнула: «Сколько же шутов».

Он мой (м. р.)

поможешь снять? спросила со второго
 а с первого влюбилась и на всё
 была готова здóрово здóрово
 ответил юбку? ждал произнесёт
 тревожился смогу ль она сказала
она моя но узкая как взгляд
 а прочее сама сниму бывала?
 спросил ну нет ответила сулят
 и падали сулящие приятность
 берет и шарф пальто и сапоги
 очки рубашка вся её нарядность
 а юбка сохранялась не с руки
она моя ещё раз повторила
 и понял я она её и мне
 не снять её она вздохнула мило
 а мне сказал я мудрено вдвойне
 предметы собирались восвояси
 шарф и берет пальто и сапоги
 опять мешали нашей тесной связи
 и слышались на улице шаги
 и тихий крик и первый забираю!
 замысловат и весок женский род
 а наш другой и даже в устном лае
он мой до ража драки и мокрот
 во двор во двор *он мой* а где серёга?
он мой мой друг давай по стопарю
он мой устроим позднее барокко
 верней бардак *он мой* по словарю

Любовь

Ещё, быть может, не совсем... она,
но я лечу — не потому, что вьюга
и тополя, ворсящие упруго
бульвар, шумят и гонят семена
прочь, поднимая ещё выше — ветер, —
и я лечу! — а оттого, что ветру,
да пусть он и с хавбека сдёрнул гетру
на радость читателям, хозяевам уретр,
то на руку, что я был у неё —
был у неё! — и вот, вонзаюсь светом,
который излучаю, в те планеты,
что в нас воткнули глаза остриё,
нас постигая: ветер без меня
скакал бы разве с таким подъёмом!
«Я, кажется!» — кричал я незнакомым.
«Влюбился», — загорались те, цена.

Целая чашка

Вот человек, и в нём стоит зима,
а рот забило разговорами чужими,
и, встретив кентавриду, он ни вымя,
ни грудь не упомянет, а сама

она тушуетя, когда они молчат-с,
и в гриве роется, какая ж я эрзац,
как будто гребень в космах потеряла,
а руку молчуну дать невдомёк,
и снежный паренёк уж наутёк
пуститья целитя испуганно и вяло.

Ну дам я руку, думает она,
они сведут-с в поля — и я в упряжке:
малышка наша, и ему ни чашки
моей не расколоть, — ни штурманá

полярных авиаций в орденах,
ни конный полк, что топотом пропах,
мне не нужны ни капельки, нисколько, —
не убегу ли без оглядки я тогда,
когда во мне любовь, на мне узда,
и чашка непочата — ни осколка?

И руку не даёт. И тот, в ком снег
валил, да перестал, засыпав площадь,
подумал: я влюбился в полулошадь,
а что ж молчу, как получеловек?

Медитация 922 (почему-то правая)

Чреватей правая — её губами чаще,
руками чаще: со спины в карьер
переходя, в ладони что́ кричаще,
округлей что из робких тёплых сфер
себя выказывает? Отчего — не знаю:
она права, коль справа повелась?
Протяжная, как «жду!», и затяжная,
как осень та: запутался — и вязь
не отпускает: левая кружится,
устан быть с левой, а другой — хоть что,
и гонят с лестницы, и вёрткая ночница
полюбопытствовать спешит и, на пальто
упав, стрекочет: бьётся электричка
о рельсы возле [Баковки](#) уже,
ладонь —ними, шепни: моя частичка,
до завтра; обещаю, в дележе
меж ею и тобой дойду до сути...
Ох, правая, ах, левая, ох, дни,
в которых у обеих были груди
и оставалось стиснуть пятерни.

Июльский дождь

В

ы видели дождевики с апельсин?
А я их трогал — этой головою:
брал в голову: куда ж потом пристрою
измятую паденьем величин...

М

ы поем шли, протоптанным, ржаным:
бурундуки, велосипеды, пары,
спускающие вузовские пары,
перебегали ширь по яровым,

тропя хлеба в затейливый чертёж,
а те, ещё зелёные, по плечи,
укладывались, не противореча, —
так чёрного краюху окупёшь

в сметану — и, как пёс лоснишься, сыт,
ты говори суровое — я слышу,
чем горячее, громче, тем бесстыже
теплее мне, ты рядом — я с копыт,

К

ак эта рожь-юница у Протвы
июльским днём под непутёвым небом.
На входе нам не следовало Глебом
прихварывать: шеломы б взять, — увы,

не догадались; не разделись догола,
сложив одежды в гидру целлофана, —
к автобусу спешили на аркане,
а твердь по-над цвела — да провела:

моментом (так бывает?) повлажнев
(любой упрет, если торопиться,
а не брести, я слушатель — ты чтица,
ты слушатель — я чтец, честя рельеф

и зеленя, вступившие в права),
оуклившись до формы «протекаю»,
прорвался воздух: норма душевая
дождя на тело, здравая сперва,

П

олезла вверх упрямою кривой:
у капель — с их летучестью! — слоновость
прорезалась, пардон за теленовость.
И апельсины. Высыпали. В бой.

Яичный бой. Винтовочный. Стекла.
Воздушный. Барабанный. Бой тюленей
(паскудство!) острогами. Бой делений
термометра с ангиною. Дотла

часов со всем, что дышит. И теперь
бой головной (как боль): башкой о хляби,
о ливень, головой родной до ряби —
не только в лужах, и не без потерь:

дождь с бою брал нас; поле юной ржи,
как поле боя («мы за мир!»), на зависть пляжам
покрылось нами. «Мы же тут поляжем». —
«Не выживу, пожалуйста, тужи». —

«Сажают ли с избитой головой
в благословенный рейсовый автобус?» —
«Уже уплыл». — «И утонул». Верейский глобус
плескался воробьём и бечевой

Т

ащил телеги, трактора, дома.
Ах, родина. «А если б апельсины?..» —
«Взаправдашними были, из Мессины?» —
«Бывают же съедобные шторма».

Полька и другие танцы

Чуть ниже пояса вдруг выпятится в юбке,
 и руки отбиваются от рук:
 на две октавы пальцам уже хрупко,
 а полторы — берут, и от излук,
 которыми бегут, ребячась с полькой,
allegro moderato и прыжки,
 всем десяти на двух шелковых дольках
 свободы сколько хочешь вопреки
 девическим ещё пиэрквдратам;
 но лишь взлетят на шее волоски,
 и капли над губою в два карата
 сверкнут, как осторожно, вполне
 ступая, пальцы подступают к танцу
 другому. «Руки, руки!.. Нет, не прочь».
 И стыдному («А ну-ка свет...») румянцу,
 занявшемуся вдруг, поддакнет ночь.

Воды

Спустия ничком и солнце, рукава
 бегут вовсю, прохваченные ливнем;
 меж нами и песком реки ни шва;
 «Вода не вертикальна!» — складно всхлипнем,
 спасительно попробовав утечь. —
 «Вобрав тебя, река даёт свободу». —
 «Она везёт стремниною оплечь,
 июльская и рыбная с исподу,
 вода догонит даже горизонт». —
 «Всегда хотела прикоснуться к небу». —
 «А тут стена». — «Тут строй». — «Тут водный фронт». —
 «Смывает. Посмотри, я здесь иль нету?»
 И мы смываемся: застирывая речь,
 чудное утро, достаёмся бегу,
 но бегло понимаем: лучше течь —
 и дождь, уйдя на дно, вернёт нас в реку.

Медитация 711 (желания)

Чтобы пойти опять, часам остановиться
 пришлось на долю циферблата, и
 произнести в запале: «Объясни!»
 ты не успела. Выпростав из ситца
 бедро, в котором тридцать семь в тени,
 я не подумал даже устыдиться,
 прижав к нему дрожанье пятерни,

и, получив *ожог*, сказал: «Не буду».
 Повис, пчелу желая, глупый пёс,
 язык тянулся к жалу, но и слёз,
 что бешеной глотательного зуда,
 не будет, ни за что: в ладонь и снёс
 летунью на крыльцо: давай отсюда,
 с вареньем таз — чреватый медонос,

да и барбос возобновится скоро.
 Часам ввязаться в полудневный бой
 («а там посмотрим!») не давал покой,
 который дал мне небольшую фору;
 а если их назад — на час-другой...
 И — перевёл, сжив дождь и нашу ссору,
 и ты спросила лишь, что у меня *с рукой*.

Кривые мёда

я губы выпачкал в меду
взбрело отнять у пчёл немного
им шикнул весь не изведу
и палец в воздухе дорогу
тропинку в медленных прямых
и острых кардиоухабах
чертил покуда не затих
не дрогнул поведя на запах
собою трогательный нос
но чиркнув спичкой не занялся
устала засмотрелся пёс
и сон затих на прежнем галсе
я знаю подмигнул я псу
и губы вот бы ноги тоже
зажгли медовую слезу
а я слизнул её итожа

Мёд

я губы выпачкал в меду
она спала я был по делу
вверял бумаге наготу
пока жара не загустела
и речка приподняв волну
не побежала вдоль да рядом
звеня хочу облечь одну
водой смешливой очень надо

я не спешил всё как всегда
луг продолжался в её гриве
а та былём перевита
в цветы впадала их счастливя
собрание трав к руке прильнув
препоручало горизонту
пусть ветер выберет обдув
со всех сторон и не спросонку
стелиться подле вот и всё
к чему ошущенó стремиться
покуда не произнесёт
ох разлежалась ах девица
и ну к воде и с ней в закат
в ногах через поля бумаги
скользили тучи вперекат
рукав реки заждался влаги
лес разлетался в голове
вот-вот и спутается с ветром

и рыбе повезёт плотве
взовьётся над положим кедром

хватало слов карандашей
обычный день перед бедою
а всё ж таки своей чужей
она казалась ерундою
каким-то капельным штрихом
а вот и он бедро искрило
шафранным прытким завитком
сквозь сон шепнула мёд чудила

Я — всё вокруг

Тянусь, полив себя в горшке собой...
Я — всё вокруг: из форточки наружу
я запахом пробьюсь; круги осой
нарежу над плитой и сяду в лужу
сливовую, густеющую в сладсть;
спасу бесстыжую и, подождав отмашки
рецепта, разложу по банкам, пясть
лишивши пальцев — склеятся; из чашки
допью свой чай, халатик задеру
на той, что сладким вымажет мне щёки;
ворсинкой лопушиной на ветру
пристану к человеку на припёке
и прошагаю в липкой бороде
до речки, лодки, плёса и сажёнок;
ёрш, я бы не кипел сейчас в воде,
когда бы знал о вероломстве донок;
я свет от звёзд; начало сентября;
ночная морось; крона тёплой ивы;
я строчка на песке «всё это зря?»,
волной исправленная на «всё это живо».

Гаги (провода)

Я уезжал держаться в край, где лёд,
разбавив спиртом, пьют, сломив ломами.
«Держись, водись — и кто-нибудь пришлёт
в один упрямый день “прижился!” маме,
но ты ли это будешь? — пили те
на проводах, кто был, но снова дома. —
Там всякое бывает. Как нигде,
ты исчезаешь тихо, без симптома:
озноб бежит, но только потому,
что чёрное лицо во льду чужое:
стреляй в него, кричи, маши ему —
оно не разобьётся, не подвоет;
но то, что это ты, понять легко:
с одной отвёрткой выйди на медведя,
медведь не удивится и “ого”
не прокричит, но, в челюсть лапой метя,
не промахнётся и на шницеля
твою свинину отобьёт на славу;
а если же не ты — потеху для,
от сволочи уйдёшь по ледоставу —
затем что на чужих ногах коньки».
Портвейн кончался, если бы не мама:
она достала [гаги](#), “Утолки!” —
велела мне и принесла агдама.

Мгновения

Той, что вареньем вымажет мне щёки,
когда, смеясь, что чай вкусней неё,
вдруг замолчу, подумав, как далёки,
как долго будем врозь, а чай — репье
(ухватится спешащими глотками
и земляникой в ложке на весу,
и мягкими железными гудками
дороги, по которой уползу,
и утром, на которое косится
и, кажется, готова закатить
назад светило, лишь бы половица
скрипела подо мной и стёрлась нить,
куда-то протянувшаяся снова, —
и не отпустит, только б не стяхнуть;
мгновением зацепится), ни слова
впредь не скажу. Потом. Когда-нибудь.
Когда вернусь. А сладкая раскраска
в дверях, не давшишь пальцу и платку, —
мгновенье напоследок, и опаска,
что ухожу, простится ходоку.

Одна ночь

За цыганский час человек во тьме проплывает уйму континентов, стран, не на карте чай, где в версте по дюйму, не топор поди; взгляд косит вовсю в побережный абрис: из тумана голь двух Америк вдоль мельтешит, и адрес, на открытках см., неустойчив, как направленье носа: отправлял «люблю», а пришло «её», — ветровая проза, а точнее — «их», а вернее — всех, улыбались коли, и твои черты проступали сквозь их загар и кроли, и в твоих губах, и ещё одной, без неё никак нам, этой прорвы дев набухало «стой!» на пути обратном; в океанах так: опустил глаза и по курсу ровно, иногда вода прибывает всё, а когда и брёвна: задичал на день и второй ревел на себя ль, тебя ли, но не смог понять, отчего и как нас на раз разъяли; а на третью ночь подошла сама и сказала тихо: «Больше никогда далеко так не... Я насквозь трусиха».

Уже завтра

Август, зима, на стрёме северная Суоми:
лето, бывает, заране выйдет вдруг и дойдёт.
К чёртовой матери — греты реки, тела и коми,
да и котлеты тоже (ужин). И твой отлёт,
мёрзлой, под звонким ситцем, за море уже завтра.
Сахарная тростиночка, что тебя в небо ведёт?
Ангел из почтальонов спит у калитки: сафра,
воздух, и в нём круженье угольных глаз тенёт.
Что же, с морковным носом так и оставишь или
ворон (пребудет рядом) с насморком, а склюёт?
В катаных снежных бабах боязно, а чернила —
просто вода и в солнце сухо им? Писем лёт
разве не гнёт в бараний, если в ответ: погоды
нету и здесь любезной? И почтальон кивнёт —
мало ли сны какие видятся сивобородым.
То есть ничто, молчанье, то есть вполуборот,
то есть иду я лесом. С пол-оборота в драку:
ты же разлэгся, сволочь. Пусть по губам прочтёт:
если не будет писем, выгони, как собаку,
вычеркни на неделю, но возвратись на год.

Т, М, П и другие буквы и станции Октябрьской ж. д.

Глаз снисходителен ко рту, пространство к звуку:
пусть даже во весь рот, слова молчат,
когда теряются у **Т** и с перепугу
кончаются — но в **М**, что тридевят,
где я, или другой, или другая,
по-над железной линией стоим,
во все глаза себя в разрыв влагая,
всё видно, то есть слышно, и твоим,
пусть даже тихим, вышептанным в ухо
сквозящей форточки плацкартной тесноты,
словам тянуться, словно цокотухе
из мела из живицы, из узды
сосны, до горизонта, в **М**, где трое,
другой, другая или я, глядят,
как кто-то возле **П** всплеснул в сырое —
над **П** сентябрь — окно: даёшь опять.

Лорем ипсум (один дома)

Lórem ípsum dolór sit ámet* —
 и ладони твой глаз обрамят:
 ты увидишь, что я, напротив,
 бог Василий, бес, бос, юродив,
 вечно, если тебя нет рядом,
 то в приподнятом, то помятом:
 угляжу в другой что-то между
 одиночеством и надеждой —
 и хожу потом, заживляя
 помутнение звонким лаем:
 отвернулся легко, как в сказке,
 под агдамом, к стыду и краске,
 так и вовсе без угрызений,
 всё равно что вдохнул весенний,
 первый после простуды запах,
 утонувший в соплях и сапах;
 захлебнулся ль? — увы, едва ли:
 привязался и не прогнали,
 дверь поправил и пил вполуха,

---

* Lorem ipsum dolor sit amet, consectetur adipiscing elit (лорем ипсум долор сит амет, консэктетур адипи́сцинг э́лит) и т. д. и т. п. Тут, это конечно, заклинание и (жаль, не [панграмма](#) :-)) — нечто, заполняющее пустоту, которая возникла у говорящего, у говорящего и адресата стихотворения из-за (см. ст-е ниже)... Словом, это молчание (энергичное или затяжное — не суть), после которого вдруг что-то вскрывается, ибо не должно быть неправды, не должно. И покалеченный Цицерон с его трактатом «[О пределах добра и зла](#)», что угодил когда-то в «[Лорем ипсум](#)», оказывается (увы? ах?) очень кстати. Чёрт его знает, где они, эти пределы...

содрогулся и сгинул сухо, —
темень дожил один, был третий
день несносный и междометий...
Я напротив — а не увижу,
стал ли я никаким и ниже.

В сумерки

Шея в шарфике, пахучая (сядут пчёлы и сидят?), шрам на платье сбоку пуговиц затянулся не подряд (сверху, снизу упущения: грудь, колени — всем ветрам), коридор на ноги бóсье по рукам да по ногам («побросала шпильки, колкости, чтоб успеть»), и вот: «Стою молчаливая, в неловкости, в дверь ломлюсь незнамо чью. Слово сбивчивое “сумерки”, сердцу срезавшее шаг, услышала и подумала: взаперти пусть, но простак, расскажу ему о сумерках — убоится, но со мной, и в ладони, чтобы выдержать, влезет всюю пятернёй, и наполнит чаем девушку, и упросит встать лицом, а ко двери задом, иначе быть придётся подлецом в эти сумерки и коротко ль, долго ль те, что набегут. И, подумав это, в первый же юрк подъезд, и вот я тут, как ошпаренная дуюсь на себя в чужой двери: что за сумерки такие, от которых фонари — проверяли? — помогают? С “умер” слово, бо-жеч-ки...» И сказал тогда бесхитростный: хватит трусить, заходи.

Накоротке

Она на чётном, я напротив; колёса в рельсовые стыки
стучатся мерно; ход, страдая, длит уходящий разговор;
ей выговариваться больно — мы без того разноязыки,
а мне помалкивать нещадней, затишье — слышный семафор.
Перемещение в пространстве; невольно всё: пути и люди,
поступки, встречи, расставанья; когда б ещё, кому б ещё
она в плацкартном полуночье не признавалась то ли в чуде,
то ль в сумасшествии недуга до алых щёк, до белых щёк...
И если бы не встречный поезд, в котором я на изготовке
светлел, пожёвывая губы, когда окно сошлось с окном,
она б сошла на остановке — и я б сошёл на остановке,
и мы, не зная друг о друге, дожили бы себя мельком.

Доживём до понедельника

У отражения вагонного проёма,
как возле зеркала, нас *пятеро*, и мы
виднеемся снаружи в три приёма:
поём, молчим, целуемся. Из тьмы
поспешной мы, наверное, смешные,
и человек, прилёгший у ж/д,
чтоб раньше всех забраться в выходные
подальше от покоя нет нигде,
записывает в книгу наблюдений:
«До слёз её лишь шаг: вернувшись из,
он вспомнит, что давно уже осенний,
что опадает, а его каприз
“похожа на неё — пусть станет ею”
на умопомешательство похож,
она же позвонит и, коченея,
услышит не его, а “не поймёшь,
возможно, но она не ты”». Пока же,
среди скорого, в проходе, ночи среди,
нам не наговориться о пропаже
своей до понедельника и впредь.

Простые движения

она облизнет твои губы
ты вскочишь с криком опоздал
о щётку изотрутся зубы
рот возмутит яйца овал
чай разольётся настроением
трусы отыщутся под ней
по ней промчится оголение
дом станет выше и светлей
дождь замолчит на полукапле
забытый зонт вздохнёт ну вот
всплеснут руками дирижабли
земля заплаканно кивнёт
путь пролетит до половины
тыхватишься на теле брюк
пилот махнёт ну ладно скину
ты спрыгнешь благо лёт не крюк
у парашюта скрутит стропы
река под ноги попадёт
подручный гугл покажет тропы
и родина шагнёт вперёд
.....
ты юркнешь к ней под одеяло
она отпрянет ледяной
тела затеют всё сначала
так пронесётся век-другой

Измена

Вот женщина журчит эпиталаму,
щемя меня, мужчину, у стены
холодной, как ледовое «Динамо»,
рекордно где голы отомщены,
«запальчиво, бек, бей, беги к воротам!»
мужчина я, наслышан, как орут,
чтобы ничья с обманчивым, но счётом
озябших уклонила от остуд,
«до трёх мячей за матч», де, «Генератор»
просаживал», но «искренней ногой...»,
но «смог...». А тут пламёна, и оратор
стихов соблазна грудью за строкой
поводит, как губами за лампасом,
когда чеканно юный генерал
окопами шагает, бляя басом:
«Была бы медсестричкой, подобрал,
и...» Ну его, а тут старлей и нежный,
мужчина, я, не изменить жене
хочу и, нарастая центробежно
к краям медовым, выскочить вовне
пытаюсь, но расстёгнутость в природе
столь обнажённо проступает, что
вы рúки ни за что не отдерёте,
на счёт «ты скоро?» как рукой снято,
всё снято, не кино же, до улыбки,
не до движений мышц её лица,
хотя его не вижу, в сон, и зыбкий,

гляжусь, с меня довольно мудреца,
коль женщина с ногами, как на марках
спартакиадной Почты СССР,
смятенное шепнула: «Я не парка,
но мы, неизвестные, с места и в карьер,
в безумии без предуготовлений
увязли. Как считаешь, навсегда?»
И я — не знаю, можно ли растленной, —
я не проснулся. С ней остался. Да.

Он пришёл (разговор Марины по телефону поздней зимой на рассвете)

...Цвет помятый, будто падал носом яблока ранет, невзирая на парабол бег и безупречность бед оставления орбиты на хранение Земле, и прощальное: «Иди ты», и поддельное: «Ты ж не...» «Жди меня», — ранет сказал бы, разлетаясь в первый раз; эти яблочные залпы, всё равно что пара фраз вземных по телефону, — нестерпимы. И тесны стены, если из-за звона морги, бабы, полстраны подняты, но в несознанке: «Ты чего, Марин, мы спим, нету твоего». Останки ночи, как и ужас зим (стоит лечь, уже не встанешь), заставляют наугад рыскать, где в стекле пристанищ отражения дрожат: в них на кубовой рубашке от помады перламутр, по щекам скользят мурашки нелюдимых лыжных утр, поцелуев побежалость мажет шею, — вот и цвет. Сон поправит эту впалость да, надкусанный, брюнет?

(Я искал слова полночи, чтобы скрасить ей рассвет, думал: нежно заморочу... А нашлось одно: привет.)

У тебя не такие глаза

У тебя такие глаза...
Семён Кирсанов

Узнаю себя по глазам —
у тебя другие глаза:
выметаться на полюса?
Мира? Холода? Ладно, сам:
бирюзу вспорол ледакол, —
значит Северный. Я ушёл.

У тебя не такие глаза:
посторонние, — и чужак
утишает слова, а зрак
тухнет, как у пустого пса;
твой индиго в прямом снегу,
засыпает, но я смогу.

Отрываю глаза от глаз,
а они всё равно твои:
«Отвернись, нет, закрой — таи!
А теперь смотри — про запас»:
синевы на неделю-две,
и рука нежна в озорстве.

Моя хорошая

Неразрушимая, но хрупкая под ситцем,
на голод мягких рук и тёплых слов
обложет нитку губ и по крупицам,
вздыхнув: «На море б», вечер распоров,
вновь собирать нас примется сначала:
«...А злобно будет — вот тебе щека,
хороший мой, я, знаешь, измельчала:
прекраснодушной тушею врага,
покуда вспоминаешь, что живая,
что эта не забудет, но простит,
я буду столько, чтобы ты, взвиваясь,
отбив ладони, ахнул: “Я сердит” —
и просветлел до следующего раза».

А ночью выскользнет в чём мама на мороз —
не принимая моего отказа
быть выслушанной, — ляжет, словно пёс,
под дверью согреть бетон балкона.
И водки принесёт, и на стакан
ответит грубой рифмой: «По канону,
мне надо из горла... Анжамбеман:
чёрт, крепкая». И планы, «ваши с нею»,
отважно смеючись, узнает и умрёт,
уткнувшись в стену, день, другой тускнея,
вдруг всколыхнётся и велит: «Вперёд!
На лыжи. Не умею. Просто надо».

И разобьётся вся, пока с горы
не съедет, как по струнке, и крылато,

губами ёрзая, воспрянет: «До поры
казалось, не смогу, нет, не смириться.
А нынче я свечусь. Мне всё равно».
Пожизненная чёрная страница.
Не вырвешь. Было. Произнесено.

Порнография

Я не просил, а ты и не подумала
 терзать не кнопок безупречность, а
 рецепт чернил выведывать без умолку
 и, визнавав, раскраснеть бумагу на
 высоком слоге предстоящей фабулы:
А то что рыбой пахнет — не трупсы,
но верный признак речки. Исцарапала б
 листок стыдливый, прежде чем часы
 прошли б и научили каллиграфии,
 и я б, попав в письмо, не узнавал
 той, что не усомнится в благонравии
 того, кто, невозможно исхудал,
 но столь же светел, сразу после праздников
 и двух прогулов хрипнет: «Всё, пора»
 и, сколько ты потом ни передразнивай,
 с постели встав, падёт, и от ребра
 синяк останется, а от дивана холодом
 с тех летних пор повадится тянуть, —
 ну не насильно же его-меня, не волоком
 к себе тащить, вываливая грудь...
 Пусть неживое, из нулей и с единицами,
 письмо зачитано до лёта от зубов,
 а открывая — изошёлся лицами:
 был мелом, стал сияньем, вновь готов, —
 всё сразу вспомнил. И нелепо, бешено,
 в полубреду спрошу: ты в чём сейчас?
 Ещё в трусах? На них рекой наслежено?
 Чтоб я в тебе по некуда увяз!

А нет бы (нежность)

Что с нежностью не так? — спросила: —
Я прикасаюсь, а в ответ —
печаль о том, как он спросил, а...
а я в расспросы про сюжет:
насколько это будет хрупко...
А нет бы просто задрать юбку
и потушить поярче свет,
столкнув бесчувствие с орбиты, —
глядишь, и лампочки разбиты...

Спросила: дописал ли «Нежность»*,
насколько будет нежной и
не потому ль в ногах бесснежность,
хотя январь — и посреди,
что — как у нас, по переписке...
А нет бы в тайном Волковыске
сойтись однажды взаперти
на лунный серп, ступив на грабли,
и выжать наконец до капли...

А у тебя с ней нежно, очень? —
спросила и, пропав на год,
сама ответила: — Ты прочен,

---

* Вот выраженья глаз, в котором свет, / толкающий глазастого на ужас: / давая каждый день себе обет, / заранее винится: «Оконфужусь».
/ И — не подходит. Как бы ни хотел... и т. д.

она тебя убержёт;
тужу, но — примирившись, вчуже...

А нет бы сжить со света мужа,
положим, заласкав, и вот —
простой вопрос опять про нежность:
ты примешь всё как неизбежность?

Этот Новый

Канцелярит придушен не везде.
Хорошая глоток-другой портвейна
ещё терпела, — слова в простоте
не выговорить даже под *питейным*,

которое по жилам пробежав
и к языку вернувшись для развязки —
для увлечённости и прысканья в рукав,
а то и в рюмку, коли тосты тряски,

вот-вот прервёт молчание её.

Её скребло, шерстило всю неделю;
я на глаза лез, прилипал репьем:
чего ты, а? Но губы не хотели,

отдельвались облачным «отстань»,
иль «как-нибудь», иль «разве ты не видишь?».
Я видел, видел. Это ли не брань,
когда пропах другой, и ненавидящ,

и болен до сердечной черноты
взгляд в полутемноте тебя встречает,
и ты, на штык его отточенной беды
себя надев, задоришься со чаем

на кухне тараканьей... Идиот;
не потому что сам открылся: «Было!

Но кануло, хорошая. Зажмёт
в трамвае возле бабы, сразу пыла б

испробовать, всего один разок,
так колетса, что мама удавила б,
и ты, тишайший, отираешь бок
той, чьи глаза порожние, но мило

вдруг посмотрели, оказавшись вдруг
у твоего плеча...» *А потому что*
и та до слёз, и эту на испуг
не взять вовек, — с презрением «неужто,

хороший мой, уже?» приговорит
и будет помнить всё до смерти смысла
спускать, глотать, а после Эврипид
напишет: пуповину перегрызла

моя Гекуба — что вам до неё?..
Но рюмка мимо рта — вот вам и Новый.
«За околостоящее бабьё!»
И в дверь. И в слёзы. Рёвою-коровой.

Канцелярит придушен не везде.

Но не она они

есть считанные как секунды девы
 которые как их ни возбрани
 твердятся удивительным припевом
 и даже светятся но не она они
 как редкие прохожие похожи
 они написанные всё равно с неё
 тебя встречают беззащитной кожей
 уже в прихожей пошутив в ружьё
 и зашивают порванное лаской
 голодной без неё как крик собак
 перебивая цвет помадным красным
 и чёрный в ночь слетает и зевак
 пугает толстым воем аж до лая
 будильника и иерихонский так
 их тиком и досадой выстилает
 ошмётки сна итак итак Итак.

.....

Хорошая, их трое, три печали,
 две были после, остальные до;
 они себя распахнуто вверяли,
 а я, сощуренный, я видел в них не то:
 не их, и тут уж всё равно «какое сходство!», —
 одну тебя... Но это полбеды —
 при них я перестал творить юродства.
 Они не ты, не ты, не ты, не ты, не ты.

Чудач и Неодета

*То ли это смех? — нет!
То ли это плач? — нет!*

Н. П. Кончаловская

«В окно её заглядывал ли, — спросят, —
сквозь седину годов и далее проседь?»
Разбережусь невольно, но дотла:
не раз вонзал себя напротив. *Неодета*
однажды даже пресеклась: «Вообще-то, —
подумала, — не *Чудача́* ль стрела?»

Стоять не мог — тянулся! — Но махнула: —
Какое там, он пепел...» И сутуло
отпрянула от мысли и окна...
Когда сдыхал, стихал когда, когда под водкой,
садился в электричку и наводкой
полупрямой (на Курском скривлена)

бил тем, чем был: нечаянным собою
кружил у дома сорванной резьбою,
и в воздухе, и на асфальте след,
под нос бубня нашёптанной тропинкой,
не брался долго ни одной снежинкой,
висел и вился в амнезии лет;

как честное мальчишеское слово
«не подведу ночного ездового,
к последней электричке прибегу»,
стыл до последнего, до каменной улыбки:

а ну как выкликнет, хотя бы по ошибке,
«одна, и жду!», держался начеку.

...Не стряхивалась мысль: «Да быть не может!»

А руки делали, им было не до дрожи:

«Я снова *Неодета*, мой *Чудáч*.

Увидела напротив человека, —

писали по стеклу, — мне для ночлега?..»

Не знаю, смех то был, а может, плач.

Живу

Движения внутри всё реже, реже;
барахтаньем снаружи эти бреши
не спрятать, и они сквозят пространством
воздушным, как тревога, но идти
добром под землю не могу, прости,
накроюсь лучше беспримерным пьянством
и провоняю завтра взаперти.

Спасибо, что *взбредает* временами —
но *глупость же*, когда стоит комками
дыханье в горле, если *наши* славки
в четыре, в полусвет, своих детей
приводят в сад, чтоб те крылом жадней
и бегло били, чтобы без поправки
на малолетство с яблочных ветвей

ныряли в поднебесье врассыпную.
А возвращаюсь — *вижу* одесную
вразброс её — и лезут кверху губы,
и думается: надо же, живу :-).
И пёс, дурак, лохматую главу
взметает с просьбой. Рано, парень глупый!
Но мы уже бежим. Всё наяву.

II
ЧАСТИЦЫ ЯБЛОК

Элиза Дуглас (Eliza Douglas)
I Really Mean It. 2017

Частицы яблоч

Была беда: лил снег. Гремели руки
о рукомойник, на печи вода
пеклась в её жару, окно в испуге
прокручивало: утро — никуда:
пичуги без пальто не помещались
отныне в нашем небе, и весна,
что переманивала натиском, печалась,
их посылала, наступив на горло, на
юга, наверное, а может, по квартирам —
не всё же не пускают на постой
грачей и чибисов; а яблони, пломбиром
испачкавшись нечаянно, печной
дым тёплый ждали-звали, но куда там:
метался по промёрзшему двору,
и, огрызаясь ветру, самокатом
стелился под собачью конуру,
и пёс мой хлебный дохал о ненастье:
на горизонте высмотрев жену,
он собирался с мыслями, чтоб страстью
с ней поделиться — но не в плену ж
разбавленного проливнями снега;
сам не в себе, я высадил окно;
хорошая: «А в дверь?» — «Не для убег.
Нельзя, чтоб было заволочено!
Рубил не для того, чтоб падать духом.
Вернусь — верну стене, оставив шрам»;
я к яблоням спешил, а белым мухам

пообещал ужасное: воздам;
и мухи, жидкие, как стул грудного парня,
услышали и взялись отступать,
а я не злой, приветно горлопаня,
подмеченное заносил в тетрадь:
«При виде человека во смятеньи
природа извинилась, и впопад
частицы яблок — будут (объедемь!)! —
излились в воздух. Что за аромат».

Чайники

Вот чайник, вот его создатель:
один красив, другой до слёз
закашлялся, измяв о дактиль
листок, ушибленный о плёс:
гладь чайных вод ему рекою —
он, боже, пишет, и ему
не чужд недуг, — дугой живою,
привиделась; по-одному
теклось словам в науке зноя,
когда сбегались пузырьки,
и слог, и речь взрывной волною
захлёбывались, вопреки
чернильной воле не сдаваться
до кожи с литер и кивков
стаканам ранних домочадцев:
не выплывали до звонков
будильников на пять, трамваев;
иначе строчки злили в штиль:
гусиной кожей на припае
дрожали мелочно, — осиль,
переупряжь таких попробуй,
вода стоит, они лежат,
чернила стынут, меднолобой
бумагу кличут и назад
по пузырькам хотят разлиться...
Вот чайник, вот его отец:
один уснул, и на ресницах

сучит ногами *наконец*;
другой, поглаживая взглядом
того, кто гнул, лудил, клепал
и смело прятал под бушлатом,
таща с завода в интервал
между собакою и волком,
о вкусе не воды — вина
«Агдама», яростном и долгом,
подумал нежно: дополна
в рабочий полдень красной влагой
налили, выдули, опять
наполнили и даже дракой
обмыли — больно вспоминать.

Яблоко и лимон (1930)

Лимон устал, но это пот работы;
он интересничал, влюблённый желторотый,
перебиваясь с блюда на налив:
тарелочка вытягивала жилы,
каймай голубой скалено кружила,
мазиле напоказ благоволив,

ещё бы в пляс пустилась, закрутилась,
взгляд смазав, как развязный наутибус...
Но это что: зелёные бока
с материками, битыми о землю,
округлые с претензией «объемлю»,
до червоточины пупа, как донага,

раздевшись, подле шариком торчали:
налив Землёю бредил, и мистрали
на обороте галлов били в дрожь;
по счастью, из незримого оконца
тёк апельсин — полуденное солнце,
и тень лимон не застила. Даёшь.

Лимон усох: какой-то год работы,
а Соловки такие, что охота
Петрову отравить грузинский чай;
спасает Водкин: стелет самобранку
охвата карты пира спозаранку
и пьёт здоровье: целый мир встречай!*

---

* Речь идёт о картине К. С. Петрова-Водкина «[Яблоко и лимон](#)» (1930).

Март

Он распустился: снег стирает с
сугробов снежных, лёгших на усы
псов граждан оголтелых настроений,
капельей вдоль, ни слова поперёк,
вприпрыжку за полуденный буёк
опушками летящих, оголений
баб снежных ожидающих на днях
и потому забывших второпях,
что согреть положено губами,
зиме наставивших смешливые носы,
притихшие сопрано и басы
сверяющих с котами и щеглами.
Лишь только снег сбежит со всех усов
их псов, с их перемёрзших снов и слов,
март загрустит до следующего марта;
без снега он придурочный апрель:
«А где такое — “снег”? Зачем “метель”?»
Но землю поит вдоволь и с азартом.

Лыжная акварель

Март снег стесняет: тот седеет —
сереет, упрещая дождь —
казнь твёрдых вод; его спитее
что может быть? Тюремный кошт —
апрельский снег, коль март содеет
в день равенства дыру небес:
те хлопья будут посытее,
и ты на лыжах в затрапез
сей вымученной акварели
не выйдешь — выбежишь, не то
не нагладишься на капели, —
снег, свежий, был, а ты в пальто
щекой вчерашней время морщишь
и каплю на руки берёшь,
и от сосульки, как заморыш,
дрожишь от шапки до калош,
а ведь могла бы быть смелее.
Могла и будешь! Белый цвет
твоих прямых по ахинею
шуги, чей норов перепет,
и, верно, распоследних мушек
исчертит снеговой запас
на гордость беговых осьмушек
и поприща, где снег погас,
снег выжат и не повторится.
И зрелище в последний раз
пред лётной летней небылицей
вдохнёт и выйдет на показ.

Не у вод

Как скуден город, если не у вод;
 тут за шлепок весла по дому рыбы
 затеется подслепый хоровод:
 сломают челюсть, разузнают дыбы
 секрет, чертёж; усилие — и вот,
 какая скука из окна на это —
 давным-давно хлебнувший влаги рот,
 молчащий с дыбы, — пляться и лета
 ждать, улыбаясь каждому звонку:
 «Вам телеграмма, нет, не смерть, но стойко
 расписывайтесь, я постерегу
 вас не в себе, покуда пара-тройка
 часов не минет, вам не станет вновь
 не всё равно, но панацея, водка,
 дойдёт до угрызений, и ни бровь,
 ни глаголение, ни суеты чесотка
 не шевельнутся, даже если я
 вас буду бить, а я, должно быть, буду», —
 Она ответит, как никто, ничья,
 из средоточия Тарусы — ниоткуда:
 «И лодка выдохлась, когда не стало вас,
 и вас не помню — так, обноски боли».
 Вот суки Га́ма, Ва́ско да, компáс,
 открывшие Оку и деву подле...
 Трепись же вздыбленный, указывай на плёс,
 как выйти к Белому ли, Чёрному и, споря
 с собой вчерашним, задышать взасос.
 Как несуразны мысли не у моря.

Зеленя

Рассада слов вскипает на окне,
за талым всем увидев небреженье:
зазеленеть печатною саженью —
и быть никем, а не на полотне

«Вдруг взмокший ветер бьётся о стекло, придуманное, чтобы увеличить детали происшествия “тепло уже пришло, им увлечения причет всё звонче в воздухе, которому пора выгуливать забывших на диване себя особенных и не позавчера, а с осени, когда не в сарафане, но в плащике до нитки не пришла та, что за дeнь до пресно написала: «Отныне сам. И в бой, и со стола. Я — чемодан, достойный морвокзала»”, и, форточку взломав, заботит пса: тот чувствует желание носиться, кусать ворон, а плача железа, подсохнув, не туманит роговицу присмотром за спокойным, будто лень, поэтом, у которого дыхание ещё вчера отбрасывало тень слов, угаённых глохнувшей гортанью, а прочие он высадил на днях — апрелю (миртрудмаю, мать) навстречу, — они мешали, и не в мелочах: себя лишу себя, лишившись речи»

?! Слов этих всходы, зеленей лоза,
тихоня от рождения до чуда —
а может, это сон или простуда?
язык и речь и сами чудеса, —

глядятся в его пыльные глаза.
Но видят только ветра голоса.

Вид сбоку (голова болит)

Ввалился полдень, выволок на свет
 и женщину кругами запустил:
 скамейка для оставленных газет
 (за неимением подобающих могил),
 читал, поглядывал, а мерные круги
 (лишь глазом чиркал, камни не бросал)
 не унимались; ладно б у ноги
 (по часовой — у правой) был овал,
 но нет (отнюдь): изрядны и ровны;
 тому ль виною круглый ветерок,
 иль пёс, на этом свете вполцены
 у циркуля отгрызший бег дорог;
 а может, наша степь и впрямь кругла
 (как, верно, скучно шляться по степи,
 копытных трогать губы и тела,
 попутно уточняя число пи);
 а если это цирк, а я тюлень
 (не бейте только, я и так спляшу);
 круги смыкались, ширилась мигрень,
 кроссворд ломал хребет карандашу.
 — Мы с вами незнакомы, но у вас
 вид сбоку горемычный: голова
 расколота, полна косых гримас.
 Позвольте мне её для волшебства...

Вид снизу (апрель в Лاپине)

Животное тягучий червь простора,
загадывая на лопатный блеск,
спешит и па *туда*, где землю флора
не выдала ещё за арабеск
и суету подошвенной резины
затоптанных до голода сапог,
за мокрый след мушиного токсина
сороконожки (вот была — и чпок),
за холст труда «Тут будут урожаи
картофеля и тыквенных, поди»,
изрядно пота, землекопов стаи,
гектары в штык, за въедливость прости,
в распаренную поля оконечность,
где промискуитет не ночевал
и мама-с-мачехой поодаль безупречность
пруда убрали в солнечный овал.
Лопаты дух всё ведомей и ближе,
и вервие живое дотемна
вострит, спасаясь от недоли, лыжи,
лишь прóливень утешит: ты — весна.

Медитация 531 (дзен-басня)

Всё замерло, но, может быть, живёт:
ворона в камне на колечко между
многоэтажек, впавших в небосвод,
глядит украдкой, бередя надежду:
сдала бы в лом, купила б со слезой
голландского; отсюда лицедейство:
висит над блеском камнем, высотой
и столбняком тая своё злодейство;
наверно, стратосфера — тут ветра
на перья рвут, но тем и интересней:
лукавить до последнего пера,
высотных деформаций и болезней,
недоумённых вскриков в телескоп —
но взять и наварить — ну не латунь же;
хотя порою по спине озноб:
головка сыра стоит этой стужи?..
Колечко неподвижничает, чтоб
не искушать, не лицемерить, не светиться;
латунное, оно не акрофоб:
не высота пугает — только птица.

Время колокольчиков

Дождь, ударяя в колокольцы сада,
стекает звуком языка воды:
за каплей капля, пусть и сыровата,
распевшись, расстарается: альты
тех венчиков, что солнечны по праву
рождения на звёздной стороне,
вступают первыми; из полутэни «браво»
выводят тенора; и в брызготне
углов падения, атак и отражений,
когда дождит во все колокола,
уже слышны басы лесных растений:
как ни снежи́ло, всё же отлила́
весна и их, им тоже петь пристало,
звонить столь бархатно, что погибает хор
и, обзавидовавшись, петь не небывало,
но непреложно начинает (так забор,
из-за которого волшебное звучало,
попал на нотный стан как знак «забор»,
условие дождя и идеала,
неподражаемый, без права на повтор
вне этих непогоды, сада, леса,
минуты дня, моей руки с пером,
тебя, неделю не писавшей, ре-диеза
настроя «Разораться б, но молчком»).

И, верно, ветра: он срезает тему
раскатистой атакою на хор —
и топит капитанскую трирему.
Шум суть поветрие, вернее — морской мор.

Такие высокие яблони (уже в мае)

Нас познакомили: они тянулись к птицам,
листвой неоперившейся и клейкой
хватали мух за по́лы и злодейкой,
судьбой двукрылой, тыкались синицам

и пеночкам во след инверсионный:
«А вот кому смекалистых козявок!
Им низко не носилось и вдобавок
они не обольщались обороной».

Повелевали то есть как хотели
букашками залётными, и дружбы
крон и овсянок ширились снаружи
и в яблоках, внутри, цвели отселе

и наливались вплоть до урожая, —
да только кто им, вкусноте, под небом,
у облаков, на воздухе свирепом
и трогательном, выложит, вкушая

в утробах нарицательных циклонов
на сквозняках губных обледенений:
«Вы хороши вне вошь и осенений...»
Вот разве вьпи или бадминтонов

усердные воланы* , что взлетели
и увлеклись. Чтоб падать было выше
плодам, деревья задирают крыши,
и тополя окрестные, и ели

грустят: «Не высоки и, эх, не птицы»,
и человек успеет встретить осень:
подолы выпятит под нагоняи сосен —
их шишки шишки набивают о землицу.

А я не жду: мне надо — я с разбега
за яблоками прыгну и в рубаху,
за пазуху, насыплю и со страху
(такая высь!) пересижу до снега.

А то, что зелёны ещё, так это к счастью:
сугробы — страсть, коль яблоко со сластью.

---

* Затвердевали на морозе птицы / И мерно падали, зато летел
волан, / Запущенный в густой туман / На летней даче около столицы, /
Пластмассовые пёрышки, чего там, / Ему на стужу было с вы-
соты, / Макая в градус кровной широты, / Ветр гнал его по свет
очей долготам... и т. д. Или: ...воланы прошлогодние хватая / не
звёзды с неба но и бадминтон / прижился во дворе надоедая / лишь
голубям и веселя циклон...

Когда падаешь

Когда высоко падать, входишь в лёта,
и наблюдатель видит, что к земле
несётся нечто, а не некто нетто,
без смысла и судьбы, навеселе,
не задыхаясь от смятения полёта,
и не зазорно голове самой
икс отыскать, коль игреку охота
её пробить и скомкать, а порой
наставить, надоумить: притяженье!
И, если это яблоко, схарчить:
для вызревшего сделаться мишенью —
животная и умственная сыть.

Когда нам больно падать, не садиться,
ног не ломать, не сетовать: упал,
недотянув до (журавля, синицы,
двух сорока шести, «я, как Дедал»), —
решение не девочки, но бури,
кружащей подхватив под мышки, суть:
когда мы прыгаем, пусть даже и зажмурил
глаза от страха, лишь бы не боднуть
опять в живот округлый это поле,
летать, лететь — забыв о «никогда»
и «ни за что»! Взмывать, но и не боле:
всходить, потом спускаться, — на черта?

(Ваш непутёвый, чтобы не садиться,
воображает ваши квашеные лица.)

Самолётная роща (набросок)

Кисти круж́атся: полощет роща,
 листья срывает, кроны стремит
 то по отвесу, то в лёжку — плоче,
 ниже травы. Эта роща как вид
 леса, в котором одни дровосеки —
 жук, леспромхоз, ИТЛ, браконьер, —
 ветру не спустит, не рубит побеги —
 только б взлететь на жуковский манер.
 «Что?! — За спиной упа́дет прохожий. —
 Эх, и деревья ужé. Вот бы мне...»
 Воздух сгущается и не без дрожи
 с дубом равняет кого-то в кашне.
 «Ну и куда же?» — кричит человек
 голосом необычайных высот
 (всякий летавший прожилками речек
 горло дерёт, хоть блажен, мимо нот).
 Роща — мазок — и восходит! — чуть ниже.
 Та, что писалась, — вослед. Что за край!
 «Шишкин, не вижу, ты где? Шишкин, иже...»
 В общем, коль на́ небе — то догоняй!

Смятение

Ненавижу машины, но они, когда сонны дороги, шуршат,
забираясь в октябрь, в его умысел: лист из корзины,
липе больше не нужный, твоею ногой вперекат
гнать по уличной шерсти и против, ночные вируруя длины

своим цветом и звуком: шуршанье листвы как процесс
разбегания в стороны глаз: отводил, отводила, смотрели
даже если в глаза и светясь, получалось, что чрез:
«Что опять там, за мной?» — И долой с плеч роняла бретели,

потому что тела ещё ныли и губы могли койко-день,
а октябрь был сухим, шелестел и врезался во память.
Шорох майской дороги под утро, когда полутень
о колёсах скользит, поднимает, вгоняя в осеннюю зámеть.

Край чужого пространства далёк — но в нём ты
(время побоку, номер в подкорке, простое движенье):
«Ненавижу машины, но они по ночам...» И с твоей широты
сквозь шумы и слова «это ты? это ты!» набегают смятенье.

Майские отрывки

Вода, кроющая всё утро на отрывки,
когда просвет — и воздух говорлив,
а следом нем, застиран, и размывка
картин с людьми похожа на заплыв,
по мокроносым листьям пробегая,
нахватывается у них смолы,
и эта дождевая городская
тишь наполняет гордостью пчелы:
хватает ртом до горького мгновенья
отрывок ливневый из тополиных круч
по капле, по глотку, покуда чтение
не пресекает острый майский луч;
страница перевёрнута, и снова
мы, отбежав от мокрых тополей,
несём счастливое: «Кленовым-то кленово —
до нитки!» и другую дичь аллея.

Большой юс (Ж)

Это скулы арбуз. Это пчелы укус.
 Это большой, как шум, мой безысходный юс*.
 Сделать пчелою вдох, выпить её врасплох,
 в ужасе подскочив, — замысел был неплох:
 чтобы во рту был мёд, если вдруг чай прижмёт:
 свеж, раскалён, «но что, — спросит она, — насчёт
 сладкого, но не губ? Чаю дымится куб,
 сделай же что-нибудь, кажется, ты неглуп».
 В детстве я был умел, маленьким я хотел
 мёд добывать из пчёл — и добывал, и цел.
 И говорит она: «Чаю бы. С мёдом, а? —
 в дверь постучав сперва: — Издали. Прибыла.
 Здравствуй». У яблонь пчёл я на бегу прочёл:
 «Цвет удался, и сок сладок, тягуч, тяжёл».
 Губы, прокравшись в лёт, «мёду бы, суший глот», —
 кланялись пчёлам; вдох выпить медовый флот
 с духом собрался, и... «Где у тебя лучи?
 Солнце б к щеке прижать. Выглянет. Ты кричи».

---

* Ж — тридцать седьмая буква кириллической азбуки. Сначала обозначала носовой гласный *o*; потом (когда носовые были предательски :-)) утрачены) — гласный *у*. Так вот, тут это, конечно, не просто *у* — но *У-У-У!!! :-)* Юсы же, и большой, и [малый](#) (А), ликвидированы впоследствии сэром Петром I, которому, мне кажется, должно быть стыдно за убиение такой красоты (во всяком случае графической... но и носовой тоже, потому что орал я — при даме же — в нос. Сдерживался. Пытался).

Разбросаны

Раскинув руки, кончиками пальцев
тревожа воздух, тягу задаёшь
лесам садов — и яблони-стояльцы
времён цветочных вязок и порошок,
не поспевая за тобой, галдят на небо,
тараща кроны, кончившись у стен:
попробуй, город, это не за хлебом —
за ней спешить! И вот уже забвен,
он выдохся, двуногих муравейник —
впал в оторопь тайги, равнин и рек,
и те, гоня медведей и репейник,
рыб и лишайники, подхватывают бег,
но тоже отстают — у ледовитых
нехоженных вживую камень-вод,
и брат селькуп, согрившись под Эдиту,
тюленем смазав тучный бутерброд,
не жалуется — подвывает ветру:
у ней мизинцы бегают, а мы
даль горизонта приняли на веру
и не бывали далее зимы.

Разбросаны! Крен правой — и Таруса
уже под боком (навестить пора!);
кабрированье левой — а мне грустно:
ты снова не вернёшься до утра.

III
КАПЛИ РЕЧИ

Элиза Дуглас (Eliza Douglas)
My Heart Will Yearn for Yours Through All Eternity.2017

Превыше

Вода кипит: обварит ли, напоит —
как ей захочется сегодня обойтись?
Как сволочи, когда родной геод
не увильнёт и низом станет высь,
и чай расплещется по всей честной Гондване,
одних ошпаренных — битком эвакуопункт,
и очередь за кипятком из рвани,
из всякой, с Ватикан, и русский бунт
вот-вот содеется? Участливо: и кофе,
забытый на огне, всплеснёт волной,
а я руками: вот же катастрофа
(и астероид, к счастью, стороной)?
Положим, увернёмся. Выйду в поле —
а там не горизонт, а Тохтамыш:
стоит себе, позёвывая боле,
чем обмирая, и не раскровишь,
коль до Угры век с лишним поруганий,
и не ярлык тебе, а спину в лоскуты.
Но лучше б травы были самобранней
вчерашнего и никакой орды:
бродя, наудивляюсь на эклогу,
как медный грош светясь усну, где был.
Ещё б не лучше, только у залога
страдания превыше наших сил.

Акварель

Круги от капелек грибных в брусничной луже,
 всем полднем вытекшей из боли в голове;
 ладонь в мгновеньи «на» тропит наружу —
 к виску через запястье — муравей;
 кораблик жжёной спички, завязь липы
 в трясине застывающих краёв
 италии зеркальной с небом в хрипах
 желающих начать сейчас же клёв —
 податливый покуда; ветер в сливах
 глазищ навывкате воротит облака
 прочь от прочтённых выше детективов:
 всего лишь часть пейзажа четверга
 (сегодня же четверг? но рыбе в реках
 не стоит говорить); в ногах кирпич,
 зачем-то угодивший в имярека
 с наколкой на груди «сан оф зе бич»,
 таинственно оплавленный, резонно
 предположить, что падал свысока:
 что ему бич, не ведавший бозона? —
 дремучая тунгусская тайга...
 И это всё, что нужно акварели
 «Смерть тоже жизнь, она придёт, кипя»:
 разуть глаза и в этом смирном теле,
 что растерялось, разглядеть себя.

Остров Иваново

Остров Иваново славен отборной античною девой —
годы тесали породу из цельного слабого пола,
что одиноким остался после машинного бунта.
Тот трикотаж, что творится в Иваново, только разгневай:
тонок и мягок на ощупь у чресл, преисполнен глаголом
(руки) «повырвать» (под корень ещё до травмпункта),

коли не тонок, но толст и на ощупь шершав из-за брака!
Ревность виною всему к мужскому развязному люду:
он, не настроив станки, домогался труда, невзирая:
«Дамы — одёжку даёшь! А иначе народ, полунаго
став одеваться, остынет душою и к грязному блюду,
чтобы согреться, вернётся, интим суарé вымогая.

Вот почему план превыше всего, понимаете, бабы?»
Острая ревность машин, оторвавших однажды все руки
всем мужикам поголовно, включая мальчишек,
некогда вязаный остров спасёт от забвения, дабы
Лемнос, простите, сосал, ибо *наши* подруги
танк на беду остановят, о чём всяк узнает из книжек.

За миг до

Ни звука длились долгое мгновенье:
под колобком шмеля тянулся пух,
и, рухнув в тополиное паренье,
зверь полосатый, сделав смирный «бух»,
почил (проснётся — будет, верно, вечер
и край иной — у лёта тополей
всё наскоро: когда б он не перечил,
не тормошился, гильдия шмелей
не знала б отпусков); цветки тюльпанов,
прошелестев вивáтом лепестков,
убрали запах, и душистость, канув,
отвадила докучливых жуков:
проныры приуныли, карусели
олёнок отшумели и сошли
с небес на землю: и десанты сели
и парашюты спрятали вдали;
у ножниц прекратилось заиканье,
и ирисы поднялись во весь рост,
ты следом тоже: звукоподражанье
затишью — перед чем?.. Но аванпост
ладонной чаши не подначил тучу;
пёс отказал прохожему в «ты кто?»;
ёж в воду не полез: «Ещё наскучит»;
и завирушка юркнула в гнездо, —
малинник запахнулся: «Нету славок!»;
у одуванчиков начался перерыв
в растлении садов: не то что б навыв

желтить-и-опушать, запорошив
всё мыслимое нуль-, под- и пространство,
утратился, ну что вы, просто сушь
последних дней окоротила окаянство
приумноженья клятвой сытных луж,
и метр в сутки (высоты!) стал полуметром,
и лязг корней о мантию притих.
Всё замерло — и разрешилось ветром,
и мы упали в дождь, сказав «бултых!».

Давно не было

Пломбирный сливовый «полегче!»
и яблочный пацанский свист:
вода, набравшись капель речи,
глотаёт плод, впадает в лист,
разводит ветви, корни; нюни,
распущенные сушью по
садовым переулкам, втуне:
косых линеек на слабо
не одолеть: уже и лужи
налили зеркалá, и звон
«хоть рыбу запускай!» под грушей
не то что слышен — не лишён
не то что смысла — чувства счастья:
пёс, оступившись, утонул —
и, вынырнув, блаженной пастью
хватал морской дождливый гул.

.....

А разговоров будет после
у нас, черешен, муравьёв:
«Вода пришла!..» Ушла, но возле
всяк непутёв был и грачов.

Чернозём

Ну, здравствуй, чернозём...
Осип Мандельштам

«А это?» — у себя спросил я. — Это дом. —
«Построенный?» — Нет, выросший дичком. —
«Сам?» — Ну конечно: кто-то уронил
кирпич-другой, скорей всего, окно... —
«С цветами на?» — И девочкой, умно
следящей за побежкой светил. —

«И всё вошло?» — Воистину, луной. —
«И девочка?» — Взгляни-ка, под стрехой. —
«Там, где весна и древо рвётся прочь?» —
Она, она. И тополь непростой... —
«Дом отстаёт». — И дереву: постой,
нам с этажами за тобой не смочь! —

«Но выход есть?» — О, девочка нашла. —
«Для крыльев, полагаю, тяжела?» —
Когда ей надо поглядеть в глаза
луне, сверхновой или МКС,
она... — «Я б тоже на него легко залез!» —
Уверен, но верхушка небеса... —

«Уже пробила?!» — Даже облака
на маковку глядят издалика. —
«Что тихохódки?» — Мёрзнут до костей. —
«А сквозняки?» — Гуляют. — «Если так,

я поспешил — и вляпался впросак». —
Не лезешь? — «Ни за что. Она смелей». —

Такая тут земля; таких родит. —
«А если уронить кариатид?..» —
Черна лицом, но только в ней растём. —
«Достать бы из-за пазухи кирпич...» —
Черна, как труд, мартышкина опричь. —
«Что ж, здравствуй, плодovitый чернозём?»

Плотва и др. (р. Керженец)

Вода на воле слушается рыб:
 её излучины от А до Б — покорство,
 от Б и далее ей не пристало чёрство,
 ссылаясь на простительный ушиб
 колен о твердь возвышенных холмов,
 об угол дрейфа, крена ли, атаки,
 тела пловцов и лодочных носов,
 в пространство протекать, петляя паки.
 Блажить, когда живое приняла,
 когда живому хочется иначе,
 не подобает, оттого кругла
 река в изломах зряче и чудачит
 след в след за крючкотворною плотвой,
 и др., которым выскочить за мухой,
 рвануть за водомеркой, стороной
 минуя русло, в лодку светлобрюхой
 и смачной, коль на вертеле, упасть, —
 лишь в удовольствии. И потакают воды:
 спешат, куда укажет рыба, шкоты
 натягивая, — здесь живое власть*.

---

* Она действительно такая: бесконечно, удивительно петляющая, впадающая в Волгу речка Керженец. Дивная! «Керженец вьётся, точно змея», — писал г-н Короленко.

Человек, перешедший Волгу вброд (важнейшее из всех для нас)

Он перешёл вброд Волгу у Казани
и вышел мокрым — хоть пиши стихи
о том, как изнемог при чемодане,
а губы пенились: эх, мне б сейчас уши
(хотя бурчал иное: «...нет и ночи,
а я, в дым трезвый, падающий с ног,
мать-перемать, опять людей морочу...»),
но всякому звучанию свой срок),
но в пойме околачивались зайцы,
да что там ошивались — заяц пёр
сам на ловца, осанистый, при сальце,
и луг-другой он занял под костёр
для заячьей ухи, что волжской выше —
верней стерляжьей, люди говорят;
вброд Волгу перешедшему бесстыже
не отобедать: зверь забрёл сам пят
и был распробован, и назван объеденьем
(«достало, мать, хлебать это говно»),
а лов живого — крестным и несеньем
(«чего-чего? ну а чего — смешно»);
отныне это было его делом:
вброд Волгу перешедший — человек,
которому не только зайцы тело,
но и («доярки чресла») Волга — брег
(«олень — филей, телятина — надои,
перепела — омлет, бекон — свинью»),

свои невзгоды — беглые, изгой —
суму-тюрьму, а детвора — баю,
крестьяне под пятой царизма — думы
(«вокзал — матросы, Нобель — динамит,
стон — бурлаки, червонцы — толстосумы,
ж. д. — путейцы, хворые — плеврит»)
доверят, как родному, и к колену
невероятной русской мать-реки,
где он по водам мокрым, но нетленным
прошёл, потянутся («электроутоги»).

И он наставит («разопьют и к бабам,
а после мучайся чугунной головой»),
и будущее («лагерным этапом»)
исполнится («и вызовет конвой»).

Пройдут года, и яблочные рейсы
(«в Ташкент!»), и каботажные суда
(«всенепременно с грузом эдельвейсов!»),
спешащие («на час!») туда-сюда,
и субмаріны («на бурлацкой тяге,
куда же без неё!»), и лес в плотах,
приветствуя его, поднимут стяги
(«а он им — палец, ибо нех и нах»).

На этом режиссёр обронит: «Снято!
Спасибо всем. Народному — уши».

И зайцы свежие, мордатые, что надо,
на кухню двинут, исты и тихи.

Вас записывают

Как занятно и заразно речь отстукивать чужую.

Дочь вернулась лишь к восходу: «Зуб отдам за отбивную,
я, наверно, в них погрязну, возвратилась с танцев-шманцев!»

Позвонил Радовский Коля — я окрасился багрянцем:
«Говорят, ты впал в невзгону, хочешь, выдам фунт работы?
Будешь пить на ней — уволю, перейдёшь (нишкни) на шпроты —

нюхать ворот не закуска, старый конь, ты ж не заперешь?»
Если только в непогоду, у окна, мой верный кореш:
в октябре могу вприкуску и вообще впадаю в петлю.

Почтальон ногой стучится: «Распишитесь — и немедля,
вам небось трястись куда-то, где, должно быть, кто-то умер?»
Удавил бы кто провидца: нет, родился. Следом — зуммер:

«Тут доставка не по ГОСТу. Так вы спуститесь, товарищ?»
Я сейчас, я ажитато. То — вагон цветов с пожарищ:
иван-чайному подросту, чтобы ты вила верёвки

(коли из меня бессильна), — наше с кисточкой; головки
беспримерно не поникли, — твой сегодня день; подарок.
Нет, ошиблись! Щепетильно прячу до поры дикарок.

В окна тарабанят капли: «Время выйти, окатиться.
Те, кого дожди застигли, не нули, но единицы!»
Шмель и Ко, что дирижабли: пёс мой алчет — носит ветер:

«Пёс, ах, если б ты был розой!» Тихий подмосковный вечер:
«Что же, я тебе не дорог?» Ингрид Бергман в «Касабланке»:
«Угостите папиросой, станьте грёзой марроканки».

Я сижу, стучу по кнопкам, что б пространство ни сказало, —
вышло время недомолвок, я не мальчик, мне немало;
не доверишь же раскопкам, что мы были-сплыли спешно.

Заговариваю время. И немножко смерть, конечно.

По воде

С той стороны речного бега, где вода
умеет постоять и не делиться
ни с кем собою, билась с вереницей
курчавых туч плотва, но мимо рта
неслись по дну дождей на завтра тени,
и рыба гомонила: «Как же так»,
и льстилась *пятками*, как будто я чужак,
а небо несъедобное из лени
или по прихоти; и если тучи в дождь
изрядный обращались, вымещая
покусы на оравах иван-чая,
что жались к глади, задирая хвощ,
выбрасывалась на́ берег плотва:
«Ну потому что я насквозь промокла,
но это не трагедия (Софокла?
ого), а так, — тут суше раза в два»;
и если ход вдруг зарастал слюдой
(сентябрь, и ты раздет, да только лужи
с утра зачем-то насосались стужи),
со силищей, за лето нажитой,
собравшись в лом, громила рыба лёд:
«Ни свет ну потому что ни заря»,
а лёд, ледок, припадок сентября,
сначала в ус не дует и плюёт,
но после испытает жалость — и
покажется опять в разгар купаний —
в Крещение (то непременно ранний,

то, хоть умри в остывшей, вопреки хотеньям сволоты святой), вот ведь. *А с этой* — я; хожу, не зная смерти через утопление, как только круговерти Оки конец, и, жидкой, ей черстветь, быть суше к человеку, ни к чему; когда и сутками; воистину ногами; бывает, побиваемый баржа́ми; доказывая что-то — что, кому?..

СКВОЗИТ

Бежит по жилам Розенталь,
 в котором трудностей ни слова,
 и человек, *как ни засаль*
 его (уставшего и снова
 его, завидного с утра,
 его помятого к обеду,
 и вечером, когда пора
 зовёт вдохнуть и он «доеду!»
 велосипедным фонарём
 на всём ходу себе сигналил,
 и вело плещет над путём,
 и тот виляет, ибо налит
 по край увесистым вином
 предстать спешащий до рассвета
 и улыбнуться полусном
 забывшейся с её «ну где ты...»,
 я вот он, промолчать в ответ,
 колёса что-то мчались шагом;
 его, когда зимы отсвет
 в зрачках у лета время с гаком
 пугает всякого из нас,
 его особенно — былою
 она остыла, он погас
 и тлел углями под золою
 .....),
сквозит чрез всё это теплом.
 За локоть тронешь и — надуло б,
 прилежно думаешь потом,
 когда он скроется сутуло.

И о погоде (рамы, Лары и дамы)

Прóливень *вымое*т окна, стёкла стекут, и дамы,
что представлялись: «Мама. Очень приятно» и
драили Лар сквозь зубы и упоённо рамы,
утром придут, а в доме шастают сквозняки.
«Эй!» — дамы рявкнут Ларам и наконец до крови,
блеска пупочной стали и серебра в сосках
выскоблят замарашек и, оборвав на слове
хватитнамбольнодуры, скажут: «Мы не за страх.
Нам так положено, Лары. В азбуке, нашей книжке,
рамы и Лары, Лары, — наш беззаветный труд.
Нет, про очко ни слова. Юные, а нервишки.
Велено — будем драить. Вот почему вас трут:
рамы дождями смыты, что остаётся, Лары?»
Лары, конечно, свалят. Дамы, тоскуя по
мойке оконной Лары, слягут на пляже с загаром.
В эдакие погоды. Скажете, им слабо?

Поэт

*И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...*
Фёдор Тютчев

Граница, где кончаются снега
и мать <нрзб>* не так долга
и слышится нестройной и приёмной,
блокнотом из кармана упадёт
на строчке «Осторожно: гололёд
всамделишен в июле для бездомных».
Чё месяц, спросит взглядом человек
у трущихся на воздухе коллег
из ситцев, мельтешенья и загара;
покажется из речки пароход,
цветущих лиц и лип круговорот
покажется улыбкою бульвара.

Захочется дышать и поселить
себя в июль, но смутной строчки нить,
суровой, дратвы, вспомнил эту сцену,
протянется сквозь лето на листок,
и карандаш черкнёт наискосок:
«Декабрьский прах неуязвим для тлена!»
Бумаге, где кончаются снега
и до грибных дождинок полшага —
полслова, загрустится на коленке:
опять из лейки солнцем обольёт —
их первый с нею капельный налёт
последним был. А прочее оттенки.

---

* Энэрэзбэ (неразборчиво; и неприлично, конечно).

Дорожная непутёвая (срамная песенка для курящих)

Мы пахнем летом ветром и дорогой,
угнать себя, велев шофёрке: «Трогай», —
как ей признаться: «Ну а что — давай!»
Вагон спешит, топор висит, нас двое
курящих, так затынем же спиртное
в себя поглубже — всё-таки трамвай.

*Вот это вдох — и, залпом, выдох: лето
столь завирально, что, недотерпев,
она дала кому-то без билета
рулить собой. И это лишь припев.*

Мы пахнем летом чьими-то губами:
«Куда?» — В тепло. — «Конечно же. — И маме:
— Мам, я нечаянно отправилась на юг.
Трамвай верну, потом. Я с неизвестным. —
И пальцем в губы: — Будьте так любезны.
И в шею тоже. Под колёсный стук».

*Вот это выдох, следом вдох: ох, лето,
столь завирально, что, недотерпев,
она дала кому-то без билета —
и не жалеет: «Повторим припев?»*

Мы пахнем летом пылом и погоней:
«Пали, — кричит она, — без церемоний!

А в рукопашной пригодится лом.
Что странно: я всегда была тихоней,
но это лето... не было бездонней». —
А вот и море. — «Но к нему бегом!»

*Вот это выдох, тут же вдох — и в лето,
столь ласковое, что, недотерпев,
она дала кому-то без билета
себя помчатъ. И это вновь припев.*

Трамвай (романс)

Как-бы-мне-рядом-быть и потрогать губами
твой затылок, когда ты стоишь у окна,
руку выставив прочь, чтобы длилась верхами
лип, домов и садовых голов, смущена,

но смешливо цеплялась ко всякому птичьему слову,
и пылила дорогой, опылялась лохматым шмелём,
чтоб дождём намокала, горела на солнце, соловой
становилась в закат и в ночи извозилась углём,

а потом пролилась, потому что твоя остановка,
или цветом пошла, утаив непогоду в горсти...
Невозможность «постойте!», а ткнуться и вовсе неловко
в твой настырный затылок, когда ты спешишь впереди.

Медитация 619

Закрыв окно, слух помнит *это стыдно* —
ей платье задирать, возьми батон,
сегодня трезвым? я ещё обрыдну,
машина номер, стойте!.. Отстранён
 молчанием пространства, он острее
 привязан к успокоенным словам,
 их интонациям и пóводам, скорее
 вернётся не к речам, но шепоткам,
 тончая на *хороший, я пребуду*
 (пребуду как, хорошая? с тобой?),
 он гаснет подле *удавлю паскуду,*
 сквозь зубы пусть, а больно, пусть весной,
 и, острым став, мельчит на слоги, точки
 над ё такое, от чего на стен ку ле,
 и точки над влачат поодиночке,
 а слоги тихнут в кассовом тепле,
 а то, что не разнять, бросает в краску,
 бросает сразу с пасмурным снесу,
 и воздух вскоре делается вязким —
 на то он сердцевина и сосуд.
 Наслушавшись, распахивает снова:
некупленный батон умчало в сквер,
 где воробьи, откушавши мучного,
 друг дружку величают словом *герр*.

Ветер в иве

Он налетает, пролетая мимо;
ему занято: безупречна — и одна;
темна ему беспечность нелюдима:
как это так — в себя заключена,
стоит, в песке увязнув, ни опушки,
ни леса, ни стремительной верхушки?!

Свой — ненаглядный — ветер иве внове,
вот и помалкивает, словно он не к ней
спустился, бросив небо, наготове...
остаться? выдувать из брамселей
ход бойкий по морям, а не речушке
(Оке, что у плотвы на побегушках)?!

Тиха раскидистая; ветр её щекочет;
листочкам долгим до того смешно,
что ива постигает: она кочет,
и надо петь, покуда не бревно:
да не одна я, вихорь! А стрекозы?
А книжка брошенная про Галапагосы?

А ласточки? А с удочкой эксцентрик,
что, выловив ерша, на мой пруток
сажает и торгуется в райцентре:
«Пяток — чекушка, дамы, как глоток!»
А вкусный дым, когда он вялит рыбу?
А рыба, не сдающаяся, ибо?

А Он, Она и дождь — и крона-крыша?
А перешёптывания Их на берегу?
А зеркало, которое я слышу,
смотрясь в него: «Я для тебя теку»?
А баржи до Рязани и их грузы,
среди которых слаще всех арбузы*?

А чёрту неродня, что плыл до Волги,
а то, excusez-moi, и до Баку**?
А этот ржавый бакен одинокий?
А бакенщик с глиомою в мозгу?
Без них ни на дрова, ни в кругосветку!
...И ветер иссяк, сломав на память ветку.

---

* ...телами укрывая тыквин кряжи, / работники Востока берегли
/ дары своей природы от покражи / морозом и туземцами Зем-
ли... и т. д. («Лёд тронулся»).

** Грустила восхищённая вдова: / «Он каждый день, пока река
пускала, / пока упрямая ледовая плевá / её скитания, как хворь...
и т. д. («Шараповоохотчанин»).

Это лето (чудо луж)

Им нравится цеплять меня насмешкой:
упасть орлом, ребром отвесным, решкой —
пусть лупает глазами у окна,
коль дом мой не плывёт ещё, но споро
готовится убраться прочь; помора
умора взвеселит, но племена

мои при яблонях цвели, и водопады
не листопады, мы им были рады
за сухость и обычность, а вода,
разлитая в пространстве этим летом, —
нас не разлить с ней, потому с приветом:
уж к форточке прирос, а не впитал.

Изделия природы, *проливные*,
на произвол оставьте выходные!
Но нет: махну рукой, идите прочь, —
с предлогом налетают: на Рабочем
упал, предавшись обморочным корчам,
а *хлябь* подобрала — как ни порочь,

но не дождётся пошлого «так лей же»
и ваших непритворных «дождь, пореже» —
не потому что после нас хоть сушь:
оставив исступление и лето,
косые обложные станут нетто:
запомнятся без срока чудом луж.

Всё-таки выбрался (лёжа у Оки)

...Да что там: муравьи, отбившись, топали
по нашим растянувшимся мослам,
река в ногах вбегала в ивах во поле
и дальше, говорят, несла валам
Каспийского себя, снимая с всякого
вплоть до трусов степенность и наряд,
под коими, землисты одинаково,
мы — человеки: ждём, что зачернят
светильные лучи, не долго думая,
и падаем солдатиком с моста
разнообразными, смешливыми, угрюмыми, —
а выплывают дети: чистота
да не сразит подопытного взрослого,
коль завтра, к сожаленью, умирать, —
и умяем посидеть за вёслами,
и гладим против шерсти эту гладь.

Бабочки

«Передаю тебя по старшинству
 на крыльях с голубою арабеской
 мгновенью, что приснится наяву
 тому, кто, оказавшись в перелеске,
 спугнёт тебя нечаянно с гриба,
 родившегося загодя, со светом,
 и ты перелетишь, ещё слаба,
 ещё на ощупь, на цветок пригретый.
 Так распахнётся жизнь». — Вспорхнула и
 отправилась Набокову* навстречу,
 вопросом озадачив посреди
 нектара, ухажёров: побережся
 и до смерти — до вечера — хотеть
 сколь наскоро, столь многое и разных,
 или влюбиться по уши и впредь
 захлёбываться лишь одним соблазном?
 Вспорхнула — и в сосновую смолу
 (девчонкой, звонким утром, приглядела):
 небесным арабескам и крылу,
 а вскоре и нагулянному телу
 так сладко было и покойно так,
 как никогда за вечную мгновенность,
 и только на закате, тая, зрак
 в падении подруг заметил тленность.

---

* Подталкивая, вихорь знает меру / стаканам бабочек настыр-
 ного месё: / пустой, он изведёт затишьем Веру, / морщинась
 мотыльковой чешуёй... и т. д. («Ловля Набоковым бабочек на
 закате»).

Вечер, пятница, лето (окраина)

Пили гол футболисты.
Сморкались мизинцем шофёры.
Всё равно набирался трамвай —
баб тяжёлых совали вперёд.
На конечной волнистость.
И всякому парусу впопу
отрешиться: «Пускай!»
А там кто-нибудь подберёт.

Вечер. Пятница. Лето.
Расстаться нельзя, невозможно.
Если лечь на бетон,
он пригреет, и сможет сразу уснуть.
Оттого и воздеты.
И жажду унять осторожно —
труд завидный, как сон,
для которого выпадет путь.

«Вы, спортсмены, — трунили сварные, —
продули, а пьёте».
«Программистки, — клялись токаря, —
затанцуем, оставим без ног».
«Ах, у нас и без вас астения —
ошибки позорные в коде».
«Провожаем на флот вратаря —
берегите евонный станок».

На конечной, как в море:
окраина, чистые люди;
рыба костью стучится о стол,
и струится простое вино;
не резать чужого не горе —
туда и дорогу иуде
порасскажет не ствол,
так античное «было темно».

Птица, летящая на свет (дверь на чердак)

Не выпала, но потеряла сердце:
 косилась без конца на свет из дверцы
 (я не закрыл, я враг, я не закрыл),
 который обегал чердак, стропила,
 и темноту оттенками рябило,
 касался ранних и нетвёрдых крыл,
 влетал в глаза и тормошил: «не знаю»
 почасту выручает вашу стаю;
 а может, там, где этот малый свет,
 месторожденье сладких насекомых,
 ведомых червяками и весомых,
 как суета предсвадебных сует?..

И увлеклась, и потянулась, и слетела
 в ночь эту с блеском сытного удела:
 крыло рвалось о тени, но нашло
 светло заветное, а там не воскресенье
 и ни души — людское измеренье,
 и вместо хлебных мух в окне гало.
 Мы будем скоро, но не растолкаем
 воробушка ни влагою, ни лаем:
 не отыскав пути назад, прилёт,
 порхнув на первый, на пустом диване
 и больше не метался. Он заране
 шмыгнул и канул, птичий мотылёк.

**Общество спальных вагонов —
Обществу жидкой Земли:**

Как бы по мóрю пробраться? Рельсы, домчав нас, сочли воду сырой и бездонной. Правда ли, что глубоко так иногда, что составы мокнут в волне по трико в мягком-на-ощупь вагоне едущих дам и нельзя ль в этаких случаях, чтобы к поезду льнула кефаль? Так, рыбной ловлей из окон, слёзы осушим, и впредь будет как маслом по сердцу ехать и даже сыреть. Кстати, мы вовсе не против, если волна набежит — и в колыбельном вагоне стихнет придирчивый взрыд. А ресторану-вагону знаете, что помогло б? — Море: когда по колено, естся и пьётся взахлёб. В жёстком, как тряска и давка, будет несладко стирать, но ничего — в нём прислуга, низшей ли знати не знать. Как в океанах с ветрами? Дуют ли, и, если да, ладно: без воздуха худо, зэки в столыпине за; может, им даже приснится, что унесло их вагон: славное время — семь баллов, незачем гнаться вдогон.

Пианино

беспомощность при извлечении мурки
у пианино ссаженного с лодки
окурки в струнном чреве тень мазурки
от некоторых клавиш страх щекотки
у белых и боязнь у цвета грязи
прилива стужи мурки под ногтями
зубов застрявших в рыбе или мясе
бренчания бок о бок с пахнет щами
частями тела в панталонах в пятнах
на женских ладно б только бы не мурку
и кружев чтоб касаться деликатных
округлостей опасливо и юрко
побольше бы а там и чьи-то руки
помогут обладательнице места
откуда ноги чёрных на поруки
отдать звучанью из другого теста
и белых разумеется оттенки
в таких препровождениях едины
эбеновым не нравятся застенки
а цвета снега боли за грудиной
но всё минует если берег моря
затопает девчачьими ногами
и пальчик тёплый наиграет горю
конец родное ты уходишь с нами

Иногда тонет

Мой друг по переписке нечто Т,
«я вас люблю», «пошёл ты на» и всё такое,
купальник надевает с декольте
и возлежит в бассейновом покое
урок физры, чтоб мысли привести
(цитирую: за ручку, мысли — дети,
им нравится плескаться и в горсти
моей стыдиться; выдумал? — в ответе)
в порядок (фразы из: мой полый муж
водою вытек сразу за изменой;
я — неурядица, я ерунда, я глушь,
мне проще стать горчицею в пельменной,
чем написать стихи и наизусть
прочсть в окно щеглу, что взял привычку
засматриваться на с рябины, — пусть;
как я скриплю полночи половичкой,
дом знает, но простит ли — вот вопрос;
на север бы — и согреть губами
того, кто, разглядев во мне торос,
собой растопит бабу — не дровами),
но увлекается напропалую (вот:
рассказывала мама: я, малышка,
заснув, вставала и играла в лёт
волос, носясь по улице вприпрыжку,
а просыпаясь, падала плашмя,
как будто сон сморил, ах, по дороге
в детсад, конечно, и лежала, вмяв

себя в асфальт, до вечера в итоге)
и, если мысли швах, идёт на дно,
и кафель бледный до поры алеет
(детализирует: купальника пятно,
картинка с ним цельнее и целее) —
минут до трёх (цитирую: когда
народу много — мало ли какая
порыву отдаленья не чужда
себя от воздуха, под воду ускользая).
Как я люблю, мой электронный друг,
читать потом об этом, извините:
открыть «Фейсбук» — и быть сражённым вдруг!
Ещё тоните. И ещё пишете.

Протокол

Чувствительности верх, о протокол:
не указав, что за душою пусто
у тела (женский пол, с глазами бюста:
раскрыты, а не видят, ибо гол
глазной ранет, всё закатилось ввысь,
одна лишь мраморная статья, попробуй вперся
такую в будущее, вдаль; напротив, перси...
Не «буфера»! Он вымарал и близ
груди навис, вернув на нос очки:
...Виднелись, и пригубить было делом
секундным, если б кто-то «канителим?»
не ввёртывал и за спиной шаги
не шаркали, мурлыча «да, в тюрьме
я изменился очень», в общем, «Тóску»),
он загасил о жертву папироску
и вскрыл её, оставив на холме,
на ближнем правом, трогательный взгляд
«сейчас таких не делают — как жалко»,
у пчёлки, не ходить ментам к гадалке:
здорова абсолютно, будь я клят
и рожей мят, лишь молоток в виске
такую сгубит, а меня — мой почерк:
в «других причинах» завертелся прочерк,
и «и за что ж её?...» — на языке.

Корень: счастье

У слова с солнцепёком пополам
(так долго не было, что поведение в хлам:
срывался на собаку и консервы,
которые кормили нас со псом:
не клячи мы, а отдают овсом;
что говорить, всё сумерки и нервы,
скудеющие на свету косом),

с собакой пополам (летащей в лес,
чтоб выскочить опушкой к позарез
понадобившейся для ора речке:
мол, снова тут, перетерпев дожди,
снеговиков и город взаперти, —
а ты вослед, и в смёрзшемся сердечке
одышку чувства можно наскрести),

пусть даже это слово скучный звук
(крик рыбы, возле ног упавшей вдруг:
«Покусана в реке зубастой пастью!»,
удар светила иль «куда, дурак?»):
мол, я устал, переходи на шаг),
один и тот же корень: это «счастье».
Пронзительное. Скорое. Итак,

IV СТЁКЛА КОЛКИ

Элиза Дуглас (Eliza Douglas)
Live a Whole Life. 2017

Первый чай

Скребясь о воздух, как пернатая,
вода летит, крыло сложив.
Я рот открыл, и капля, падая,
приподымает мой порыв:
«Он несуразен, но не в дикости
глотает ливень на крыльце! —
Рань на часах, и в безъязыкости
она сопит небось в чепце.
А он уж встал! Ему не терпится
напиться трезвым — и айда.
Чай с неба — богова нелепица,
но для чего-то разлита».

От хмурости и оголтелости,
подумал я, дождь проглотив,
и он во мне, покуда в целости,
нашёл сочувственный мотив.
Я дров траве дворовой выпятил,
как грудь, вперёд, до холодов, —
вдруг улыбнётся, скажет: «Двигатель
ты реактивный и бедов!»
Чай, чай, поспеет к сроку-времени,
она глаза откроет — и:
вот первый чай, вот нету темени,
вот новый день — и ты среди.

Бумага

Бумага — струнный инструмент:
задел чернилами за голос:
«Её подхватывала морось,
себе под аккомпанемент
дождь прибирала тёплый, мелкий
и была тягостно тарелки,
кляня инерции момент:
ну хватит, домолчалась я», —

и следом трогает тугую
струну другую: «Я психую,
я опустилась до вытья:
ты, что, завёл себе кого-то?
И хороша ль? Покажешь фото?
Нет хуже бабьего чутья».

И дальше, горше: «Подлый мой,
давай уедем. А подругой
могла б ей быть? Да ну, белугой
реву, ты не смотри. Трусцой
займусь — и в миг ополовинюсь.
Нет худа без, но есть и минус:
люблю тебя. А ты... впервой?»

Нет, написалось, в том году
ещё одна цвела. Вот я и...
Слова в ответ не просияли —

ввалились в самую беду.
Дождь вывел белых на тропинку,
мы взяли целую корзинку,
ты попросила: дай, прочту.

По яблоки

Бег яблок в рюкзаке от контролёров,
 блюдущих интересы электричек,
 прям, но рассыпчат, — у тамбурмажоров,
 колёсных пар, ухватки рахитичек:
 собаками устав, на перекуры
 причаливают к пунктам с именами:
 в [Петелине](#) в окно глядятя куры,
 на [Кубинке](#) полки над головами
 витают, разумеется, незримо,
 и можно, не боясь, ткнуть лапой в небо:
 глаз не спускайте — курам на смех мимо
 приятный МиГ прошмыгивает немо, —
 и выскочить, чтобы ждать и не дожждаться
 ни электрички новой, ни дрезины,
 и упросить меня начать с абзаца:

По-новой, что ли? ОК. Не апельсины,
 раздать проходим яблоки не страшно:
 и бить не станут, и стучаться в дурку,
 чтоб с ишьчегопридумал в рукопашной
 сошлась и закатала сивку-бурку.
 Да потому что детям — только с ветки,
 моя хорошая! А всё поотменяли.
 Тут ночь уже, и, знаю без разведки,
 кругом сады, нарву и выйду в дали.

Прощание

Был чемодан пустой, а дождь за пазухой
пригрелся и затих. Я б не стерпел,
когда б его нашли, винился б: «С засухой
мы давние враги; подайте мел
и доску васильковую». И облако б,
что втайне вывозил, изобразил:
«Вот конченное лето, из-под полога
которого — хоть шерсти клок, а мил, —
мне б только это ложечное облако
дождя грибного: мёлок, а запал», —
и отогнали б пса, его кинолога,
что вынюхал и сдал, из-за забрал,
смутясь, открылись бы: «А мы и не заметили,
что был незабываемый грибной.
Валите всё на наши добродетели:
мы гибнем тут, а лето стороной...»
Но было так: «Вы что же, в непогодицу
и зонтика не взяли?» За дождём
за пазухой моей никто охотиться
не думал вовсе детским сентябрём...
Пах стынью сад, и яблоки озябшие,
описывая на ветру круги,
выказывали первое бесстрашие:
решались на отвесные нырки.

Прощание с Р

Сегодня мы в последний путь ведём
ту, чьё название связано с печалью
животной жизни, полной аксиом
«на всякий лай достаточно пищали»,
«лишь тот обидчик тих, что замолчал»,
«заушина беседе не помеха»,
«калаш не томпсон, только наповал»,
«над всею Ленина осколочное эхо»
и далее, и ниже, и т. п.

по списку, что отныне непосилен
для языка на дыбе и в гульбе,
в момент пальбы и выемки извилин.
Слеза, уймись. Уж как-нибудь (легко)
сумеет обойтись без этой скуки
душевных воплей, — мы и на ушко
ловки аукнуть так, что у подлюки
случится инф... содеется понос,
а мы уветливо заметим: это шутка,
спасительности коей Алконост
завидует (хотя, конечно, жутко).
Голубка, буква злобная, как лай,
а есть ли без тебя само общенье —
с мамаевым побоищем пускай,
до гибели, но и до искупления?

.....

Нельзя нельзяю, а вино вином:
покуда живы — пляшем до упаду,

случается — свет ходит ходуном,
покладистость вгоняя в «Илиаду»,
но то, что нам заказано вести
себя, как людям — живности без кожи,
само уладится — на совесть до пяти
и так мычим, и от обиды тоже.

Кому: Ей

Почтальон, завидев строчку,
ноги делает. Жена,
палец сунув ветерочку,
дознаётся: допоздна.

С этим словом на конверте,
в ящик брошенном сплеча,
до полусмерти и смерти
можно бегать, лопоча:

Вы она? Она не вы ли?
Ждёте что-нибудь письмом?
Вы же мальчик, насмешили.
Этот почерк вам знаком?
Может, это ваше имя?
Эй, не знаете ли Ей?
Были чуть ли не родными? —
Мне бы несколько родней.
Вышла замуж? на работу?
неувязочка? в окно?
прямо посреди? походу?
с фортепьяно заодно?
по-английски, то есть низко?
вся в слезах? под утро? вон?
не оставив и записки?
вся? в плаще? без панталон?
как лунатик? в дверь? шалавой?

несомненно, не в себе?
развесёлая и павой?
с ясной тайною в судьбе?

Строчка движет почтальоном:
дедов край перепахав,
гонит скорым галионом
к берегам иных держав;

к полюсам под зад коленом:
ноги в лыжи, и пошёл;
поездами по вселенным,
где главенствует глагол;

самолётом по долготам,
если примет широта;
тракторами, но обходом,
в неизбежность ни черта.

Никого! Ни Ей, ни доли...
Письмоносец взял перо:
«Небывалая дотолё!
Отыщитесь же. Добро?»

«Ей, естественно, кому же», —
на конверте начертал.
В ящик бросил слепо, вчуже.
И воткнул в себя кинжал.

Отправляю тебе бересту

С белым странником, чёрным вороном,
Без тебя мне не вмоготу.
 шёпот о́ранный в твою сторону
Отправляю тебе бересту
 улетит, если ты, заприимечена
с просьбой во́ поле ночью быть
 с год, поди, не посмотришь до вечера
и увидеть за тишью прыть,
 не вблизи, так на расстоянии, —
что скрывал, потому что мёртв
 знаю, будешь с отцом на гулянии —
буду вскоре, из жизни стёрт,
 пред походом да грянут проводы
вмят татарским конём в польнь.
 беспросветные — вот и поводы,
Подступи же, приди, нахлынь.
 чтобы нам налюбовиться до́ смерти,
Ты — единственная на Земле,
 а мальчишку, конечно, вскормите :-).
с кем мне будет светло во тьме.

Помяни

У осени, когда она большая
и больше не нуждается в тебе,
согнавшей с яблонь яблоки, а стаю
призрев на день-другой, когда тропе
воздушной плохо и она слезится
от ветра с полюса косящею водой,
и не присесть прощально надо птице —
но переждать, покуда обложной
не вывернет наружу души тучам
и к Африке откроются ходы,
у этой сыри ещё будет случай
впасть в просинь, просветлеть до чистоты
и выпустить тебя, не птиц, наружу,
отправить по колено по Оке
бродить бездельно, потому что лужи
осточертели, а река ноге,
пусть напоследок, до мурашек рада:
Ока и ты, до вечера, одни.
А утром уже льды и снегопады.
...Как, впрочем, и у лета. Помяни.

Пиши ещё

Кентавр припрётся с влажными глазами.
 У *ссылного* найдётся горсть махры
 (без курева ораторствовать с псами,
 палящими под нóги, коль добры,
 и в грудь, когда не курено, не сыто,
 не стоит, если хочется ещё
 ссылаться беззаботно, антрациты
 долбя на радость родине и о
 другóм не думать: что если отправят,
 а не раскурят и не подотрут? —
 Письмо дойдёт, и человек в оправе
 из слов «найд́ите чуточку минут»
 отыщет понимание и, может,
 подумает: «Я, надо ж, не один»).

Текстильщица на улице взъерошит
 седой затылок. Кто-то из *ундин*
 пристанет с дружбой, топнуть не давая.
Восьмёрка распашая «Сам плывёт!» —
 распустит глотку. Там и бечевая
 у окских бурлаков взбодрится под.
Дед водяной оставит на ладони
 записку. *Рыбаку* придёт во сне
 строка одна (которую я ноне
 вымучивал и, кажется, вчерне
 закончил: прошептав её, он слюнку
 распустит на ветру). Протяжный звук
 из комнаты, где, вытянувшись в струнку,

я задремал, покажется и круг
очертит в воздухе, а тот уткнётся в уши:
«Стенает он». Я загляну к себе:
кентавр, и тот стишками оглоушен, —
вздохай ещё — до слюнки на губе.

Это реальная история

*Одним только плох
крепкий сон: говорят,
он очень смахивает
на смерть.*

Мигель Сервантес

По просьбе спящих промолчим о смерти,
из уважения к проснувшимся — о сне.
Сон — продолжение смерти, то есть тверди,
земной коры, а мы в своей возне
поверх неё обычно умышляем
быть днесь и присно, но приходит сон —
и пальцем перед носом: ископаем,
всяк будет отложением в свой сезон,
а коли не проснётся, то и нынче, —
она уже в пути, когда мы спим;
будильник несусветен, ибо в клинче
телодвижений с твердью гуще зим,
чем в верхоянской онкобогадельне;
не спать, не спать три шустрых шкурных дня —
и ринуться в инфаркт — о, это дельно.
Смерть — продолжение сна, и, хороня
себя живущего в её лицо — подушку
(у сна — темно ж! — лица и вовсе нет),
спи как убитый, а её веснушки
пусть трогают того, кто не отпет.

Это реальная история — 2

Всё движется, но, помнится, умрёт.
 Вот мотоцикл с коляской, сразу трое
 трещат просёлком не назад — вперёд,
 там где-то водка... или, нет, блесною
 мотоциклистов хариус и сиг
 играть намерены (ну не глотать же, право);
 охота к рыбе — вот и гробовщик
 стамеску взял, тесину ин-октаво
 (да, сволочи, мала, но — объясню)
 любовно выбрал, предпочёл из дуба,
 здоровым мужикам, «дай, брат, клешню!» —
 «на, брат, клешню!», дать дуба не сугубо,
 перекурил и начал созидать,
 не зная кто, когда, за что и сколько;
 к обеду сладил, оставалась кладь, —
 не заржавеет! На дорогах скользко?

Отнюдь: во рту, как на просёлке, сушь.
 — Скажите, Иванов (он за рулём), зачем вы?..
 — Зачем я — что? Я, собственно, досуж,
 мы еле едем, на блесну ж, не стынут червы,
 но через девять, восемь, семь... мы в поворот
 как раз войдём у той лесной опушки...
 колонна танков, несколько вразброд,
 сам был такой: пацан, прыщи, веснушки,
 летящая, тэ семьдесят же два!
 краса и гордость! разотрёт — и амба,

четыре, три... не траки — жернова,
искусство вседорожного эстампа,
два с ниточкой... скатал, свернул — храни,
с иголочкой... а гробовщик ваш — федя:
один на сбпельке... ему остались дни,
а мы уже на том... на этом свете.

Прол-н-ролл

с мозгами попросту
папашей прóпиты
хил не по возрасту
горбачу роботом
литьё ворочаю
сосредоточенно
разнорабочие
под тлен заточены

*летает *ля
кузнечный молот
чего же для
дурак и молод*

цех для припадочных
то труд то пахота
а я порядочный
дышу распахнуто
начальник шёл бы ты
на имя-отчество
у биороботов
пупы рвут дочиста

*кружится *ля
не серп так молот
чего же для
винтом упорот*

пока не выкурен
план сдачи молотов
порыв не гибелен
у нас у роботов
а там хоть волоком
ну если до смерти
спасусь некрóлогом
не объегорите

*витает *ля
душа как молот
чего же для
какой здесь холод*

Прол-н-ролл-II

Ты пьёшь, спросили на работе.

А кто не пьёт, отрезал я.

И палец выпал из щепоти.

И как теперь крестить, куя,
судьбу, победу и навроде,
ко мне пристали на заводе.

Осталось... сколько там? Четыре?

Ещё на левой вроде пять.

*А также вытащить в сортире
есть что́ — и не́ хрен измышлять.*

Я план колбашу одной правой.

Другую поперхнулся пресс.

Рука отсохла. И держава

к ней потеряла интерес.

Зато в кровати с полудевой

могу и буду одной левой.

Осталось семь, с болтом считая.

Болт лóбит смену за троих.

А левая — ну как живая:

так бы и врезала поддых.

Эх, где же ты, пространство-время —

завод-эпоха! Мать — сыра́

земля умяла мясо-племя:

упали с неба швеллера.
Комок меня катили цугом.
Начальник плакал: по заслугам.

*Остались тrefы. Это — козырь!
Под чёрным крестиком, гния,
я не унялся, ибо мёрзну —
земля не греет абсолютно.*

У автомата (набросок)

Вот сложный человек у автомата
 с вином по три копейки за стакан,
 с звонком по две копейки за фермату,
 а сердцем замер: что же, всё обман?..
И говорил, мол, с девою железной,
 хотя она стенала, как могла б
 уже живая, ещё тёплая над бездной
 небытия (рожденья, смерти). Баб
 попробуй разбери: вдруг стало плохо,
 и он завыл заветного Сати,
 ла-ла, без слов, фальшивя, — с полувздоха
 схватила тему, и в его груди
 заколотилось бережно и чисто,
 и руку-сердце на её «смелей,
 мой дорогой» он выпалил цветисто,
 она ж в ответ: «С вас чемодан рублей».
 И это «Разговор, целящий раны:
 пленительный, для тех, кто вновь поник»!..
И пил, мол, сырость — воду из-под крана,
 хотя сначала падал, от ханыг
 не сильно отличаясь: «[Три семёрки](#)»,
 когда тебе паршиво, хороши,
 и те, кто поднимают, даже в морги
 порой везут, а ты себе лежи
 средь жмуриков... Но после трёх стаканов
 сколь ни отхлёбывай — винишко, как вода:
 ты трезв, всё понимаешь, но болванов

в мертвецких не осадись — немота!..
И автомат прореживает массы.
Ещё винца, пожалуйста. Алло.
Кругом обман! Зато боеприпасы
к «калашникову» — рубль за кило.

Голос в трубке

Ну не сдержался. Ибо чист и гулок,
как голос для той самой и прогулок
с той самой понимающей и впредь:
ты дичь несёшь — вдыхает и хохочет,
перемножая до «мы где?» и ночи
(не говоря уж о «тотчас раздеть»,

а также о «губам с руками — волю»).

Таким был голос в трубке, и, глаголя,
он угодил навстречу моему
«давайте встретимся! И вы меж мной и хлябью
подёрнетесь встревоженною рябью,
а тут и я — и вас приподниму».

«Да я железная». — Молчание. — «Ей-богу». —
И тишина. — «Вы сзади, понемногу
придя в себя, обнимите меня,
пусть только воздух мокрый, а приятно,
была бы вещной, побежали б пятна
в глазах: ах, это он... А простыня

понадобится ль, если на скамейке?» —
Безмолвие. — «Ответ прелюбодейке.
Меня железней разве утюги.
To send a fax... or hold to be connected...
Machinery was often unprotected... —
Молчание. — Молчание. Гудки.

Первый снег

*Кажется, эти стихи,
ставшие вещью, можно
снять с бумаги и бросить
в окно, и окно разобьётся.*

Даниил Хармс

Прикрикнуть вздорной строчкой на окно,
из зависти засиженное носом —
дыряв, как небо; запорошено
внизу по щиколотку, и простоволосым
под свежими сугробами нести
себя рассветных хочется впервые,
а ты сиди: он первый — а сиди,
стирая о болячку коренные...
С полуугрозой рывкнуть невпопад —
и маму вспомнить: «Слушай, ты, [Гарринча](#),
я не стекольщик, и они кипят,
когда ты мажешь, поминают [Линча](#).
Какое за год, центрфорвард мой?
Нет, пятое...» Досадливая строчка —
и будто бы алмазною каймой
стекло обведено, и трещин мочка
напротив губ растёт не по часам
такой костистой и такой узорной...
Другая строчка, нет, строфа, бальзам
прольёт — и что же? Тёплой валторной
завоет вьюга, влезшая в окно?
Тут нужен молоток, определённо,
сейчас, сейчас... В бумагу вонзено,

перо торопится не посрамить циклона.
Готово; с любопытством, но шепчу, —
не дав договорить, окно — в осколки.
Мне кажется, такое и мячу
не удавалось. Или стёкла колки?

V
Я МНЕ НАДОЕЛ

Элиза Дуглас (Eliza Douglas)
Sparks Upon Your Face. 2017

Чай (набросок)

Вот непохвальная промашка:
многоведёрный самовар,
а в нём лимон лежмя врястяжку
на блюде, векторный скаляр,
он ширится куда-то влево,
и руки ластятся к нему,
с ножом за пазухой, за чрево,
что вырви глаз, не раз сожмут
в массажных мыслях, расцелуют
и на сквозистые слои
начнут кромсать напропалую,
о ком, о чём — о питии
медово думая и чая,
как хлебово раскрасит им
весь в сером день, и, выходная,
она, хозяйка, запятым
в тетрадах, завтра в школу, влепит
по их писательским делам,
дрожа от боли, смеха, — трепет
её пристанет ко столам,
и те, обязанные полу,
волнение отдадут ему,
и дом встряхнётся — дому впору,
когда проникнут. Я пойму
вопрос «но что это за руки?!» —
и не прощу его себе:
моей хорошей! В блёстком круге

утробы медной похвальбе
её глазищами и смехом,
её восторгом «это — чай!»
я места не нашёл и эхом
лишь руки набросал, лентяй.
Да я и сам, чтоб в отраженье
не угодить, отпрянул прочь, —
что мне там со своей саженью —
чай, что ли, пить? Да не охоч.
...Зато в нём справа голубое
сыскалось небо, что в окне
в тот миг летело, — и какое:
циклон, с ним птица наравне
спешат куда-то. Губы сини,
и карандаш почти свело,
лист отложу и лоб сморщину:
у дронта долгое крыло...

Додо (набросок)

...У дронта долгое крыло:
 смерть в ожидании циклона
 втянулась в старость, набело
 перетоптала непреклонно
 гладь пульса в средние года,
 романы, заводную юность, —
 додо-мамаши полнота
 ещё заметна: неуютность
 чудес носимого яйца
 минует вскользь, и вновь девицей
 оборотится мать живца
 с новопреставленной страницы.
 Так повторится пропасть раз,
 пока враги и голодуха
 не расплодятся, и прикрас
 резни додо лихому уху
 не услышать, — был неуклюж,
 сыскал завидное проворье,
 вспять разбегаясь, будет дюж
 вздыматься и в глаза дреколю,
 клыкам, силкам и штык-ножам
 ржать жеребьячи до упаду:
 полёту вольно барражам
 сдаваться в слабости, но ада,
 но боли время истекло:
 на суше страшно лишь комбатам!
 У дронта долгое крыло,

носатость обрела приплату...
Плыть у циклона под крылом —
что спать и видеть (так ухватист),
как набросав, хотя б мельком,
узнáют и не скажут: аист.

...

Написано. Но в гладкий тон
неловко верить — без хорошей
бела бумага. Лист сложен
до самолётника к продрогшей
фигурке во дворе, в окно
вольнотпущен с просьбой к чаю.
Придёт ли? Забежать — одно.
Другое — задрожать: прощаю.

Апельсины из Сицилии

Д. М.

Альпенсины, конечно, не яблоки:
 раз не тут, не растут, не парят —
 место наше: чреватое, зяблое:
 если вылез — не будь зауряд,
 мотыляй*, выбиваясь из кратеров,
 из воронок, окопов и пр.
 вечномерзлых могил авиаторов
 (братья Райт, тоже мне, топоры,
 налетают, а камни не промахи:
 руки камни запустят, и рта
 Райт-сестёр не разжать, ибо обухи
 на бульжниках суть прямота —
 прошибают-с!), не то беспризорные
 налетят, несводимостью скул
 озадачив, набрав трёхведёрные
 торбы пазух — и в окский загул:
 как плывут по реке нетопимые!
 Заглядевшись, наперегонки
 стаю яблок, пугая Цусимую,
 поравнявшись, грызут едоки.
 Анпельсин же не наш и не плавает:
 раз укушенный, прячет на дне
 приземлённую невидаль [ржавую](#);
 только б тупо в живот по слюне.

---

* Был чемодан пустой, а дождь за пазухой / пригрелся и затих. Я б не стерпел... («Прощание»).

Рыжая звериная лыжная песенка

Зверю зимой охотиться
на человека лыжного
совестно в чересполосицу
простоволосых. Рыжего,
как апельсин, разбойника,
беглого оком бесстыжего,
завтрашнего покойника,
жертву не робкого вызова,
выискать проще пареной,
только настичь проворного
можно нещадной испариной
и бередящим норовом.
Где же их взять без обуви,
в стужу гораздой прятаться?
А босиком сугробами
сами давайте, мхатовцы.
Как разрывать на скорости,
коей на волчьем спидометре
нету в упадок упёртости
в двадцать втором номере?
Что за охота без голода,
коли помойки сытные,
ноги глодать у смолоду
рыжих? Граждане ситные!
Если вы рыжи и смелые,
не выбегайте не лыжными!

Помните: лишь оголтелые
не печалят ближнего.

(Если бежать, то отсюда,
как говорил один рыжий,
выпита вся посуда,
смазаны свечкой ложки.)

Три стороны одного квадрата

Ровней одна другой, три стороны
выматывают душу геометру:

у чувств в метро обчесться глубины,

сердечные, трамвайные, от ветра,
сдувающего баржи на пути
и берега стремящие к побегу,
на стороне той стороны, в груди
которой лета, как у пыла снегу;

на лестнице ж вопить: «Малевичмóй,
времяшь больнее, но скажи, какая
оступится в размере, но прямой
не возбранит, на трепет невзирая
руки, что на ногах едва стоит!» —
пугать детей и утешать соседей;

и только пред линейкой без обид
на тушь, перо, мерцание предсердий
все эти «ой ли», «как же» и «едва ль»
уходят, и́ — у *стороны с рассвета*
своя предрасположенная даль:
медвежий угол, где с утра газету
в почтовый ящик не бросают, нет, —
мудрён, околён путь, — рука на доли

деления глупит, и — блёкнет бред:
квадрат умять родителя не волен;

закатный край, та сторона, где ты
тускнеешь на ночь — всё равно не вижу,
из точки в точку точной высоты
растёт прилежно, но ложится ниже —
в (Игрóпе, как ребёнок говорил
и плёл простынные верёвки, чтобы
от Чужедального Восхода и Смолил
подалее быть; с утробы твердолобый);

а южная квадратность у морей,
достойных детства, — у Оки и Нары,
днём — солнечней, а вечером щедрей
на длины, что, как «занято», поджары.

Три очертания — но аспидный квадрат
намечен лишь; от верхнего безделья
я врежусь в цвет, и это во сто крат
жил больше вытянет, но тем и веселее.

Мне б

*Памяти
С. Д. Кржижановского*

Нет именительному — хлопотно неловок,
нескладен, как злопамятный щенок:
задрал бы в мясо за позор муштровок —
но зализал бы за мясной кусок.

Да — дательному: мне, теперь бы, даму,
чтоб всё при ней, мы поспешим в музей,
где в туалете, накатив «Агдама»,
размножимся, как клянчил Моисей.

Мне страшно, бес, без девы и сугрева,
один, упёртый, я — бетонный дзот,
а так хоть на «Квадрат» взгляну, и чрево
прелестницы смышлёной понесёт,
а там, даст бог, случится безрассудство:
она попросит: почитай стихи,
и эти стены вспомнят многолюдство:
когда нас трое — так ли уж плохи
хотения потёртого питека...

А почему не вечной жизни тьму
с возможностью досрочного побега?
Чтоб снова задышаться одному?..

Шар не знал

Отлит, зачищен, блещет, горд,
шар помнит, как хотелось в чушке

пасть с неба жертвой — на офорт:
орда, прижатая к речушке;
лёд кровоточит и ревёт
надтреснуто вослед узору;
шаров погибель, мерный слёт,
рвёт рать на головы в проборах
и дай-бог-ноги в сапогах,
на проруби в рядах и влаге,
на пятерни, что на ножах
довыясняют дело в драке;

когда был бабой* и ковал
кувалды, топоры, заборы,
шар верил только в пьедестал,
полёт победный и повторы
(толчок к трибунам по ТВ
укоренится в роговицах):
крутятся, его бока траве,
небесной тверди, лицам, птицам,
ртам до ушей и облакам,
глазам, светилу, луже крови
себя подставят, только б нам

---

* Баба — ударная (рабочая) часть молотов, штампов, копров и др. устройств.

рекорду, запрокинув брови,
теплее было воздавать
(а тот, кто не ушёл с дороги,
получит не вдову, так мать —
скорбящие столь быстроноги);

а ломом** был, впал, остроскул,
негодовал на постоянство:
катиться и не встать на стул?
Не выкричать себя в пространство?
Не придержать ответный рёв?
Не слезть со стула и в объятья,
склонявших слух недоучёв,
не угодить? Затем кроватью
не поделиться хоть с одной?
Не объяснить ей, что каченье
так беспрестанно, что порой
на стул взобраться на мгновенье
чертовски надо? И ещё:
катиться посуху — а воды?
Не замочить в Эвксинском щёк?
Не выискать в Босфоре броду?..

Юн, пámятлив, достоин, прям,
наш шар не ведал о футболе:
я подтолкнул его к дверям,
дал волю — а не отфутболил.

** Лом — металлолом.

Акробатические этюды

I

Я	позабыв	скорее:
на́ ноги	о теле,	я была
её	и только	бесснежной,
поставил	фыркала	стала
и —	в кулак:	бабой,
на закорки,	— Я вижу	значит —
а она,	Африку!	продрогла,
как человек	Метели	будто
нездешних	кружа́т!	догола
правил,	Любезный	остриглась,
вцепилась	Пастернак	а потом
в небо	приметил	разделась
и одна	правду	на рвущем
болталась	про пушинки:	форточки
вправо,	им на́ руки	ветру!
влево,	ложиться	Давай
вправо	лень,	ко мне,
на двух руках	им бы валиться	а толстотелость
и на одной,	без волянки	сейчас
трико	и,	стряхну,
не платье,	не спросившись,	сейчас
и забава	набекрень	стряхну...
не одобрялась	меня	— Так
здешним	вовсю	и задумано,
мною;	переиначить!	забыла?
свисала,	Смотри	— Ой, увлеклась!

— Болтанке —	не дал мне	за кулису —
нет.	вытянуться	в открытый
— Ах, прекращаю!	книзу,	космос —
— Ты —	хватайся уж,	заглянул.
чудила.	да встань	
— А ты,	на стул!	
а ты	Я влез	
из непосед,	и тут же	

II

Споткнулся и упал на гвозди. У нас полы давно в гвоздях. Я с детства говорил им: бросьте, я осмотрительный в ступнях, я обогну, я не задену, я ни за что, я никогда. А тут упал малопочтенно — на спину. Выпуклым местам не то что всё равно, им грустно лежать без умысла, терять дивано-час-другой. Приплюснуть себя к гвоздям и ни на пядь не сдвинуться вторые сутки, вы как хотите, не по ним, — по небу проплывают утки, а потолок не изменим, невыразимо скучно белый, а впрочем, ночью он, как смоль, но Керубино а капелла петь днями, милая, уволь. Да, да, она вломилась в гости: «Я полежу не на софе?» — И шмяк сочувственно на гвозди, главою точно к голове. Пусть с самолётов нас не очень, мы безупречно прямой полёживаем, между прочим. Вот только мухи. Целый рой.

III

«Мой

Майкл

Джексон...

— она

мурлычет,

и прыг

с опалубки

в бетон. —

Ты помнишь,

помнишь,

как

он взрывчат,

как юрок

был

и отрешён,

когда

стоял

вот так

наклонно? —

Диагональю став, она велела: — Ну-ка, с небосклона ко мне на плечи. Я пьяна».

Желание моря

встань на плечи брату брат
встань сестре сестра на плечи
сразу слышно вперекат
залпы недругам перечат
волн ещё не видно но
мы сумеем нас полно

брат сестре на плечи встань
встань сестра на плечи брату
где-то пролетает грань
за которой дата дату
сменит и волна в ночи
с ног собьёт как ни торчи

любопытной толпой
телом выручая дело
люди вымахнув верстой
прогорланят оробело
это море оно есть
видеть волны это честь

я любимой слышишь мать
хватит пялиться под ноги
полно шляться отдыхать
к горизонту по дороге
вертикалью отвезу
ты согласна я внизу

пер и пен и дикуляр
мы стоим над сушей мира
волей к морю и наш дар
прирастает стройным вира
волны умывают шар
в море трепета разгар

Вещи

Вещи бегут, как собаки кривые, по дому,
 дом отвечает углами, несущестью стен,
 как ты ни бейся, оставит пальто гематому,
 ссадину брюкам, контузию шапке, взамен
 гвоздь, лучше гроздь и побольше, в кишке коридора
 молча попросит: — И чтоб ты дырявил рукав,
 свитер несчастный туда и сюда визитёра,
 чтоб ты повесился, ватник, прореху снискав!
 — Больно же, — с вешалки раною делится платье.
 Кресло с диваном всем видом перечат: — А нам?
 — Дом тоже вещь, — объясняю рубахе, — вы братья:
 окна — мячу, а дверные проёмы — трусам.
 Кофта: — О да, но меня распускают, а этот...
 Гвоздь лишь поглубже вживается в стенку — остёр.
 — Что если стены (ох, обувь!) куда-нибудь съедут?
 — Но только с полом и если готов гвоздодёр. —
 И вопрошаю: — Ужели нельзя сговориться,
 милые стены и шмотки, забыв синяки?
 Дружба — великая вещь, она тоже жилища
 с этого дня. Я сказал! — я сказал под хлопки.

Тёплые вещи

Дело в шляпе

Если порывом ветра снять с головы шляпу,
и не бежать за фетром — вдруг возвратится сам,
ветру пальто отдайте, драпачь позвольте драпу,
ветр не продует спину драповым парусам.
Вот оно — дело в шляпе: вещи тому важнее,
кто их не носит — треплет, мало ли что свежо;
вряд ли они вернуться, в этакой воле рея.
Дует. Окоченели. Счастливы? Хорошо.

Шляпа заблудилась

Ни сесть, ни улететь — всё незнакомо;
поля хлопочут: на́ голову той?
А вдруг не носит и аэродрому
снесёт, сопроводив белибердой:
я не летаю, выйдя за мужчину.
А аэро запросит зоо (сад):
не хуже дронта, норов голубиный,
что ей полезней: бриз или пассат?
А зоо скажет: мама, это новость,
она и середины наших рек
не достигает (ей бы вашу лопасть) —
сбивает на подлёте человек.
Вот именно! Края темны, безвестны,
то камнем ранят, то впадут в снега.
Как не хватает головы и бездны
её заскоков. Где же ты, нага?

Лифчики продавщиц

«...Торгуют же ушанками и телом
в палящих подмандатных палестинах!» —
И вышла на мороз, как в чёрно-белом
кино про «образ жизни — холодина»,
собой владея лучше космонавта
во хлябях энцелáдского ландшафта.

В снегах продажа лифчиков в убытке,
в крещенский минус кто же согласится
снимать с себя нательные пожитки
и примерять изделия из ситца
без непотребств, тем более в подарок
жене с «такенными, она из пролетарок.

Вот как у вас». Готовность изъявила,
предупредив: я не ношу, мне внове.
И выглядела топлес очень мило,
а в лифчике — слегка нахмутив брови.
Но рассудила веско: в нём теплее;
прошу без кобеляжа — я зверею.

ИКЕА

Я мог бы жить с тобой, моя Икея,
шкафы не вяжут шаг — я из хрущоб,
в таких кроватях, я витал, с одной потей
на лестнице, попробовать в прихлёб
(она, одна, со спиртом приходила —
зелёному, мне нужен был запал)
с другой бы, и с портвейном, но могила
её пронзительна, как песни запевал,
а больше не с кем; но зато диваны,
диванов город — Серпухов сосёт,
ходили б только кру́гом в сарафанах
и в душу необдуманно насчёт
того, как сам, не лезли и поили
не чаем, бог с ним, кровью с молоком
своих улыбок, — много ли промилле
мне нужно, чтобы Фета с желваком
проникновенья, стоя на товаре,
в ответ на случай локтя и руки
прочсть, растаять, не поддаться сваре
с охранкою природе вопреки
и, поклонившись, в шведа опылиться:
я мебель, я служу, я рад, ура.
Но не бывать тому — Икея не девица,
какая ж сволочь в пахнувшем вчера
и задней мыслью распознает шведа,
которому что жалость, что апчхи,
лежит себе пустым дивановедом,

не смея встать и взговорить стихи.
Икея, я б сумел, но я в запрете:
выводишь под «и чтоб я больше не».

Лишь новые отъявленные дети
идут на руки с мамой наравне.

Недописанный

Вдруг написал того, кто вдруг исчез:
 пока за хлебом для собаки по соседям
 ходил, чернила также клянча: «Без
 их речек на бумаге обесцветим
 последний русский стих. Подайте на.
 Сползание в немость остановим вместе.
 Я ж, батя, чернил прошу, а не вина»
 и прочие «извольте» и «по чести
 ораторствуя», он нашёл строку
 о странностях судьбы и наших вьюгах,
 и, затаившись, ждал, что отбегу,
 а может, и разнежусь в одних брюках
 в тепле зимы, сугроба, корки льда,
 и из другой строки сбредутся скрипки,
 и в их стенаньях заострится борода,
 торчащая наружу, и улыбки,
 когда всё кончится и сядут накатить:
 «Его каюк — комедия в квадрате»,
 украсят губы, и косой петит
 застольных сносок не замрёт в салате...
 Короче, постучал к одной — а у неё
 мой недописанный по пояс я по пьяни:
 в одних штанах гоняет кофеёк
 и как по писаному о чернильной дани
 частит: «У пишмашинок разве есть
 то, что не бросит ручку по бумаге:
 обязанность хоть у петли присесть

и вспомнить её губы в полумраке...»
А хлеб для пса, блажной строки дурак?
Как хорошо, что и она из строчки
«Мы вместе поджидали полумрак
и целовались не поодиночке».

Мой хлебный пёс

С лицом, открытым кулакам и ласкам,
 пока все спали, этажи считал:
 в субботу в дверь ломись хоть на донбасском,
 хоть с sos, хоть горводоканал:
 «У вас, ха-ха, стремительные вóды», —
 спит мой народ, изрезанный трудом
 на потные бесхитростные годы,
 а детство остановлено силком.
 Лишь женщины из ранних и сметливых,
 ну как же, человек и не простой —
 за хлебом псу, в напевах, как в нарывах,
 а вдруг напишет нежное, — «Постой! —
 кричали и чернила с антресолей
 в бутылках из-под солнца волокли. —
 А псина будет с ситным, и мозолей
 её слюне не знать. Не куркули.
 Ну что тебе ещё? Мечтай, нелепый. —
 И кофий, в руки взяв судьбу, впригляд
 гоняли, чтобы вечером «потребуй,
 меня потребуй, если хочешь, гад»
 шепнуть, робея, гордо и целебно,
 и пропал дурак, предатель, враг
 до будних дней. Лишь выходя из плена,
 он вспоминал. Летел в лицо кулак.
 «Мой хлебный пёс, я сволочь, но я с булкой!»
 Но пёс молчал, лишь каша изнутри
 нетронутой округлою сосулькой

скулила в миске: «Вот же я, бери».
Но пёс ушёл в окно, — и я в ответе.
Он улетел. Он, может, и не цел.
«Мой ситный друг, до встречи на том свете». —
Я ставлю точку. Я мне надоел.

Часть тушки

дама ехала в трамвае
разодевшись догола
где я вам позагораю
в замешательстве сошла

догадались люди книжки
для растопки хороши
как тут не воспламенишься
жизни пушкина лишив

баба сбила дед-мороза
с толку трубку вешая
лапоть женщин это проза
вот тебе и снежная

стены возле писсуаров
чистая импрессия
как сказал старик гаспаров
вот она поэзия
всё округ в просодии
вот они мелодии

киллер малера играл
блютнер таял от похвал
струны тут эоловы
надоело голыми

даже если словом дева
остаётся ласковой
содрогнись её припеву
следующий оттаскивай

раскричалась [telegram'ом](#)
я избавилась от мамы
но могла бы и при ней
в губы или что ещё стыдней

а под платьем сообщаю
снова буду только я
ни трусов ни даже чаю
мру в томленьи состоя

женщина величина
даже меж богами
оттого всегда одна
мы лишь под ногами
(Ниже, под ногами!
Ну же, под ногами!)

Стюардессы по имени Жанна

Стюардессы спят с пилотами, забывая имена:
вылетали даже Лоттами, приземляясь уже на
вьюжный шарик возле Сызрани, целовали за Инесс;
вот поди такую вырони — коль ласкает до чудес.
Впрочем, проводницы побоку! Это лишняя строфа —
как наживка, лишь бы к облаку, на борт, взяли снова.
Так низка, строга инструкция: «...никаких в полёте драк»,
что выкидываешь куцее: сразу в челюсть: «Пастернак», —
признаёшься Жаннам сдержанно и читаешь из себя;
над Атлантикой приверженки подступают, голубя:
«И про клён опавший хочется! И собачку с кличкой Джим!
Я, Серёж, почти что лётчица! А давайте воспарим!»
Счастье: падки девы с крыльями на стихийного меня.
Зря: пилоты камарильями налетают, и возня
ревность их профнепригодную вымещает во двери:
«Капитан, он земноводное! В океане впредь искри. —
И берут под белы рученьки, сожалея под конец: —
Извини, порвали брючины». Хорошо, что я пловец...
Стюардессы спят с пилотами, те — с собой наедине,
одинокчество — изводами, лишь поэты — на волне.

Россия неизбежна

*Дуб — дерево. Роза — цветок.
Олень — животное. Воробей — птица.
Россия — наше отечество.
Смерть неизбежна.*

П. В. Смирновский.
Учебник русской грамматики.

Букет дубов средь розовых дерев
нарвал, на воробьёв косясь украдкой:
гон брачный миновал уже, и, гнев
сменив на голод, с наглою повадкой
они щипали травные места,
перебегая стадом к липам, вязам,
и, отобедав ими, гнали часом
галдящих в кронах мяты «от винта!»
оленей стреляных от их телят и гнёзд.
Пернатые трагически взлетали
и сыпались с небес в сальто-мортале
на зверя — а тому лишь бы не пост,
и мачтовые мятные стволы
коры лишались вовсе, подчистую.
Отечество нам — смерть. Я аллилуйю
«Россия неизбежна» спел. Спелы,
как дочери, слетали на поля
тела оленей. Я с дубов букетом
куда-то ноги бил, страной пыля,
своей, чужой, заранее отпетой.

VI
А СИНЬ ПИСЬМА?

Элиза Дуглас (Eliza Douglas)
Black Butterflies All Around Us. 2017

Медитация 427 (наваждение с чаем)

В тот миг, когда смыкаются глаза
и с чаем происходит наваждение:
он бьётся в чашке, авиастроенья
традиции позоря: стрекоза,

и та сумела б, выронив себя —
уснув в полёте что с дружком, что порознь,
во взгляде солнца иль в косую морось, —
из штопора извлечься, возопя:

а ведь порхала, сволочь, по делам.
А тут с прелюдией: волнистостью о стенку,
и выпорхнувшей горстью на коленку,
и вспльчивою лептой прусакам,

что ротой брали палый бутерброд,
и звуком «энной степени, наверно»
из пасти пса-кровинки Гильденстерна
неведомых, но искренних пород.

И с летом долгим с мыслью: ну же, кто,
я или чашка, первым приземлится,
но прежде пусть повытянутся лица,
когда мы с нею, не коснувшись, до

удара о, зависнем, чтоб никто
глаз оторвать не мог от перекура

воды горячей и её понурой
(ах, вдребезги), сочнее, чем бордо,

посудины, но — смежены́ ряды
себя макнувших в явственности мизер,
и веки сомкнуты, и не́ перед кем бисер
метать... И вместе с чашкой с высоты

чай вровень оседает на полу
в тот миг, когда я зреньё выключаю,
чтоб оказаться не собой, но чаем.
Когда один, так тянешься к теплу...

Перекличка

...старик Бензин. А рядом отрок Спичка.
Да, перекличка, пациентка Птичка.
Мой Розенкранц, ау. Есть кто из Йорков?

.....
Вам довелось: родились, и людьми
вы сделаны, и, ножками подёргав,
пошли себе к себе, став не детьми

асфальта там, трупоб и подземелий
(когда? выгуливали благостных эрделей),
но — сукиными, гор, Арбата, века,
народов разных, хоть, не будь детьми,
вы б стали на ноги, наверно, лошадьми
иль дочерьми отважного хавбека

«Динамы» там иль «Шальке ноль четыре»
(о ком ещё Пелевин в «Бейдодыре»
не написал с любовью не нарочно?).
А мы вот откликались на... Соплю.
С каких же щей? Всё просто: кораблю
большому плаванье, а не судьба и почва.

Не Лениным же или там Будённым —
нас прозывали Одухотворённым
Лицом с Соплём и били в туалете
за то, что не курили «Беломор»:
«Какую тебе шмаль?!» — гневился хор, —
ходячие волнительные дети,

ни дурку там дотла, ни койку в карты,
Сопля как капли против авангарда
Будённого.....
Боб Марли. Что, Плевако?
Речей побольше? Ладно. Где Дюма?
Вот педик. С Д. Л. Быковым? Однако.
Страна такая, и не хочешь, а.

Который

Задумай я за попранную Русь,
с которою так бережно ношусь,
всех до единого непуганых людей,
которым не хватило б даже рей,
развесить для утруски на ветру,
к которому глагол не подберу,
пустить, пусть, на и, переписи для,
которой что ля-ля, что тополя,
пересчитать на сук и мужиков,
которым неуютно от голгоф,
и на вопрос: «Который тут Христос?»,
который, без вопросов, не вопрос,
услышать: «Не Христос, но человек»,
который недо-, дрянь, душа, чудак и зэк,
и за такой ответ снимать с гвоздей,
которые чем дальше, тем лютей,
кого б я снял, теплом не напугав,
которым не унять и ледостав?

•

В пересечении пера с бумагой точка —
чернильная царапина отсрочки
вприпрыжку топота, покуда у пера
рука на прекословие остра —
и цветность, оглядимся, даже быта,
буквописателя жующего досыта,
не серая с утра, а у конца
последней строчки не идёт с лица:
улыбкой не приклеенной от уха
до уха расползётся и до слуха
всяк спящего, полуночь на дворе,
дорвётся, и воздевшие горé
кулак взгрустнут: «Безжалостный будильник,
проснёмся, обещаем подзатыльник»;
но вид на первых белых с высоты
их шляпок, улизнувших под зонты
еловых недорослей (нету совершенней)
прощает, что будил; ну а «блаженный»
приклеилось, и можете ронять
и нож втыкать в меня по рукоять,
пока бежит перо; от препинаний
бумаге сине и строке пространней,
ещё царапина — из ранки каплет речь.
Бежит себе! Не перестать бы течь.

Слова одни

Слова густеют над листом, когда мы *где-то*:
 в чернила окунаются — а вдруг
 они, слова, чернилами запеты,
 они, чернила, не без слов и скук
 утопленниц, где *кони, топот, инок,*
не речь, а чёрен плещут в синеве
 раёшника и горше грампластинок
 заезжены, обрыдли — ну их, фе.
 А синь письма? Не та ли, при которой
 в поту, крови, слезах одна вода,
 а небо над Содомом и Гоморрой
 безоблачно и горе не беда?
 А лист, что лист... Коль гёрбовой не дали,
 и на газете между стыдных строк, —
 звенят корнями по ночной эмали, —
 выходит славно, если превозмог
 себя и пёредал себя с велосипедом,
 как мысль, в Тарусу (зря, не на Луну), —
 он сам болтал: колёсами и летом
 одушевлюсь и, может, полыхну.
 А почерк, почерк что — уж повидали:
 и в гроб сходя, на смертном сквозняке
 старик Державин в отческом запале
 оставил руны аспидной доске.

.....

Я слышал это, поднятый началом:
 «Когда мы *где-то*, над листом слова...»:

и впрямь перекликались! И в линиялом
оконном свете за строфой строфа
тащились кúрицыной неуклюжей лапой —
попробуй на газете нацарапай.

Начало слова

Рябое, ломкое, мычащее, пока
рот не научит, и — домой, на воздух:
у слова в строчке трещинка долга —
раздор с письмом непримирим, и в хлёстах
до слёз и их глотания, в шлепках —
начала для сплетения с другими;
словечки городятся впопыхах
(рот хорошо родит слова глухими),
но вязь их — языковая муштра
до волдырей, невольная, как чувство
полёта, первое: когда она, ура,
взглянула, ты паришь, но как же пусто
и низа нет, как слов в строке «её
тут больше нет, не стало этим летом» —
бесмыслица какая-то, враньё,
и в грудь тычок, и в комнату с букетом...
Дышать, когда слова, сойдясь, сплелись
опять в живое (вновь бы в это время)
ребячески (и давнее — а близь):
легко и просто, — хоть бы и старея.

Опрокинулось

Ночью пролилось стакана два-три
строк безусловных. Кого-то накрыло:

I

шёл из шалмана шпана и верзила,
только в двери вдруг: «...И не говори!
Милая (вот же бывают слова),
буду носить на руках, ре-ми-фа».
Сам же как будто на пару голов
выше, утешен, но виду не кажет
и в реверансе заходится: «Гад же
был я, хорошая. Если б не слов
дождик за шиворот...» И финский нож
пальцами ломит, как ломаный грош,
и в перековку несёт: «Детям пусть
перефразируют зло на орала:
чтоб после гола душа выростала
и с побеждённым впадала во грусть.
А то играют каким-то тряпьем:
если не кожаный мяч — перемрём».
И тёплой бабою густо вздохнул.
Милая — в слёзы, на радостях в голос.

II

...А в инвалиде прикончился полоз, —
санкам достало катиться, и скул
ямы обуглились, вспомнивши срок —
ноги забравший звериный оброк.
Передом как ни крутись — всюду тыл:

крышка кругом, крохи с барского снегом.
Строчка плеснула в него, — человеком,
не побирушкой себя ощутил:
«Так проявите же божью прыть:
дайте не нищим, а вами дожить,
не унижаясь, под крышей, в тепле.
Я — человек. Разве этого мало?
Мало ли доля меня мордовала...
Буду лежать тут, покуда вы не».
(Бог его знает, попало ль в глаза
власти, которой всё божья роса.)
III — CD

.....
Кто написал их? — Я написал :-).
А опрокинул? — Да пёс мой лохматый
знает; допустим, вагоновожатый,
ночью в трамваях базар и вокзал.
Шляюсь по городу, что-то пишу,
радуясь людям и их галдежу.

Заткнитесь (тише, пожалуйста)

*Мама, не говори громко,
от этого засыхают деревья.*

Григорий Померанц

Они ссыхаются, и нам не устоять, —
азарт дороже конченности, слупа:
вопить в лесу, чтоб распахнулся трупом,
за пядью обессиливая пядь,
и, радуясь возможности кричать,
похлопать липу по сухому крупу —

как увлекает, наполняет как:
«И впрямь сдыхает!» Улюлю слышнее —
и роща эта, наяву дряхлая, —
часы впадут в припадочный тик-так, —
слотнёт июнь и скатится в овраг
валежником, захватанным кипреем;

горластей чем — тем гуще сухостой:
молельщиков какойнибудь динами, —
чтоб ель усохла без жука до хлама,
не брус, не столб, хотя была младой,
не нужно — хватит крика «угловой!»
по радио, вот хоть из Амстердама

в момент осады Трои, из коня, —
и пущи валяются, и голосит типограф,
взимая у Аякса-мл. автограф:

«Чувак, ты зычен, стало быть, в меня».
В леса, в леса! И, псиной гомоня,
себя поверить лаем из хот-догов.

Прибытие

Как ты можешь спать, спросила она, когда
они здесь неделю, а на «гейгере» сплошь нули:
чем бы в них ни палили, им всё — теплота
из самой души, и бабы в окопах уже понесли,

и многие успели родить, и детки так хороши,
что в школе на особом счету: то ли медаль,
то ли ты, мать, хоть и без мужа, только пляши
вокруг своего, и не наступит, он отведёт, февраль,

и они не сядут, и не будут нам диктовать, как,
кесаревым или так, разрешаться на передовой,
а мы не станем вымещать на них свой бардак,
и Земля не пойдёт трещинами, и у нас с тобой

всякий февраль будет пацан, пять лет подряд,
и плевать, что в тебя, придурковатые и босотá,
а эти, окопные, головасты, как на мой взгляд,
как ты можешь спать, осердилась она, когда.

Предчувствие

Земля имеет форму чемодана.

Уж ветер шевелит иные пульсы:
и подвижность уложена, и книги
пошли на папиросы, и ханыги —
другой не пьёт, а первый огрызнулся:
«В таблетках же. А курсы космонавтов
похожи на “бывали и расстрелы”,
а я, я знаю, неполовозрелый,
а тут бесстыдное мерцание ландшафтов:
пакуются вовсю и курят книги,
бухло в таблетках, девы, словно почки:
раскрылись и дают без проволоочки,
без спросу, понял, мне, менту-расстриге.
Сейчас штудлируем падение на воды:
в Оку бросают, говорят: “Солярис”.
Солярис, Карл. А мне милей Икарус —
упав, тону, хотя во мне пустоты.
Ну вот зачем вам брать меня с собою...»
Но вещи собраны, и выкурены книги,
и перелётный будет многоликим:
и гордый внук, и русский с перепоею.

.....
Ну, яблоко и яблоко наш шарик,
ещё не падает, но замирают груди;
и чемодан уместен тоже будет,
жаль не войдут ни речка, ни ольшаник.

Обратная сторона Земли

С той стороны, где не ступало солнце,
легко сказать: «Беги!», когда полны
двуногие движенья: марафонцы
летят вдогон — не требуя войны,
ножей под рёбра, сычугов для сыра,
им в их тени хватает любопытств
и ласк спешащего, а в качестве гарнира —
побежки следом, ибо следопытств
умения есть отраженье мрака
изнанки глобуса в нетронутой душе,
и всякий гость незванный не собака,
а утоленье чувств в нетерпеже
вопроса: «Как там, где звезда звездится?»
Зеркал и бус, но лучше бы стихов,
легко сказав «изнаночной темницей
беги!», взять полон рот и, исколов
о тамошние светлые асфальты
сверкающие пятки, перед сном
им почитать, побыв весёлым скальдом,
а на движенье «в горле — будто ком»,
сощурившись, ответить: «Солнце русской»,
а если вдруг захочется в ночи
встреч с их губами с виршами вприкуску,
сбегут легко. Ищи потом свищи.

Из Пушкина

Розы

...И вот уже трещат морозы*,
 Без всякой рифмы, посреди
 Предлогов выморочной прозы:
 Взгляд штыковой, плечом: «Иди»
 («Ты на́» как бессловесный окрик).
 Брёл на. Застыв в чужом зрачке,
 Держался конченных риторик:
 «С любой могу накоротке,
 Посмотрит весело — барбосом
 Притрусь у шёлковой ноги».
 «“Могу” или “хочу”?» — вопросом
 Срезали, делаясь строги.
 «К беде, хочу... А может, к доле! —
 Насмешничал начистоту: —
 Нам хорошо, зачем мусолить
 Сию ахиллову пяту?»
 «Строфу тотчас отдам за розу!» —
 Кричал извозчикам в метель.
 Везли охапками, и слёзы,
 Лиясь, задорили постель.

---

* И вот уже трещат морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждёт уж рифмы розы;
 На, вот возьми ее скорей!)

Ножки

Я, в сущности, дурак, но тёплый:
 Пишу, стреляюсь, да, Наташ :-)?
 К прелестным склонен, но и с воблой
 («Могу», «хочу» — не суть, а стаж,
 «Кликó» с молодых ногтей пригретый)
 Легко впаду в идеализм:
 Сверкну догадкою кометой:
 «Она?!», но недуг мой не «изм»,
 А кое-что нелепей, глубже,
 Поболе пола и вина.
 Вот пролетает по-над лужами
 Одна — и в чём её вина?
 Да в том, что ножки, ножки, ножки **!
 Такие, что и на лицо
 Не взглянешь — и не понарошке
 Под юбку лезешь бельце
 Высматривать, а любоваться
 Не им — небесной парой ног!
 Жаль, что в России сплошь эрзацы,
 Нам настоящих не дал Бог.

** Люблю их ножки; только вряд
 Найдёте вы в России целой
 Три пары стройных женских ног.
 Ах! долго я забыть не мог
 Две ножки... Грустный, охладельый,
 Я всё их помню, и во сне
 Они тревожат сердце **мне**.

Одна фотокарточка

А. Т.

Вот марсианский снимок: он, она;
у ног земля, лоснящаяся жирно
(воронез смотрит на и допьяна
чифирь вливает в кровную брюшину,
а толку: палку лыжную воткнуть —
не прорастёт фалёрнским и картошкой,
а здесь не затруднится и ничуть
окучивать не надо, сразу ложкой,
ни пахоты немереной, ни жён,
во сне твердящих: «Сволочь, свет в окошке,
бурьян у брюквы жив, не оглушён,
его — на стол? В трусы, теперь тетёшкой»);
у рук — попытка показать не фак,
но взмах, но взлёт, и, знаете, почти что:
лоснящаяся жирно чуть впросак
не попадает (из тамбова вычту
всю гравитацию, набравшись в выходной,
и всё равно, как кол, по шею в брюхе
у территории, а птицы стороной
несут себя, я вижу, лёжа, глухи
к моим «возьмите ж»; пробовал с одной,
потом с другой, стоим и в глаз волками
посматриваем, фотик сединой
пообрастёт — и выставит толчками:
«Нет, не могу, у вас во взгляде страх,
а вы заранее в слезах, — и это триллер,

а я снимаю пары в облаках,
вас не искусство выправит, но киллер»);
улыбки до; ему порядка ста,
собачий холод возвратится, снова
попятится — надолго, навсегда,
им незамеченный, и он, межледниковый,
переупрямив, обогреет всех,
не охладев (у липецка в ту эру
случится исступленье — смена вех:
холопов будут вешать с чувством меры);
а чтобы с нею быть, убил бы — и его,
и тех, кто с нею прежде был (у тулы
в боку у самовара все, в кого
в один прекрасный день упрётся дуло).

М-м-м, Мила

(1)

Мила поломала лом
пополам о бригадира —
лез под ватник напролом
через дыры макромира:
«Я начальник, а ты чё? —
Рельсы клонишь к горизонту. —
Смело тронул за плечо,
подступил широким фронтом: —
Мне б погреться, раз мороз,
о классические формы, —
говорят, как сок берёз,
как иконы, чудотворны».
Лом стоический, стальной,
за Полярным кругом хрупок.
Миле грустно не впервой
за обдуманый поступок.

2

Мама мыла Милу мало,
и не мылом, а песком,
и руками отжимала,
и сушила гольшом,
над землёй повесив дочку
метрах где-то в пятистах,
чтобы кроха в одиночку
изживала в себе страх
перед женскою судьбою,

в дождь ли, снег, парад планет;
 с перепуга, с перепоя
 кто-то лез снимать — но нет,
 Мила грустно отгоняла:
 «Я обдуманно вишу»,
 и, видна и возмужала,
 глазки строила стрижу.)

3
 Мало Миле мезальянса:
 мент её не сохнет с
 дня полярного и стансы —
 «стансы, Клава!» — в труд-часы,
 в утончённые мгновенья
 задержаний и погонь,
 сочиняет с вдохновеньем
 вслух в засаде, и огонь
 по ворам и диверсантам
 в белый свет, а не в сердца
 попадает, коль дискантом,
 а не шёпотом ловца
 «мент мой выпекает, Клава,
 свой пронзительный спондей.
 Знали б люди, сколь кровавы
 раны гангстерских ножей...»
 Лом с работы Миле нешто
 трудно завтра принести?
 Нет, легко. И встанет между
 ней и миленьким «прости,
 но стихам пора заткнуться,
 цыц на деле, слышь, алкаш?»

С гробом в доме будет куце, —
пей, чего там, но не мажь».

4

Мила мелосом медова:
летом, плавая в морях
Карском, Лаптевых, швартовы
отбривала в матерях
и других словах с работы,
где подкинут лом на зов —
и давай ширококорото
про различия полов.
Приплывали юкагиры:
«Ах, как сладко ты поёшь!» —
«Было б мне взаправду сиро —
вы б примчались на скулёж;
это толстое контра́льто
разве жалоба и стон?
Провалитесь до базальта,
юкагир и Купидон,
дайте отпускной фемине
поплескаться на волне
и воспеть, попев, Россини
с Глюком, но наедине».
Юкагиры отступали,
посягал подводный флот —
и терялся в [абиссали](#),
затыкая эхолот.
Лишь однажды очень белый
смело сунулся медведь, —
как же радостно «уделай!»
с «наконец-то!» было взгреть.

Умная Клава (прописи)

Даждьбог

Клава прикинула: боты.

Умная Клава. Гроза.

Дождь зарядил до субботы.

Боты. А может, кирза.

Ибо рабочий не сука.

Клава подумала вслед.

В ботах пахать близоруко.

В мыле, а сам разодет?

Нонсенс почудился Клаве:

свёкла, а может, свекла,

боты подвергла расправе:

в грязь засосала, сняла.

Ибо октябрь на пороге.

Ахнула Клава: Даждьбог

выдал к полям не дороги —

прелесть кирзóвых сапог.

Король Лир

Слова плывут в чалдонской тьме квартиры.

В квартире выходной. «Вы, бригадир?» —

У бригадира кончились шекспиры:

с Шекспиром к Клаве, для которой Лир

(Лир Первый ли, Второй — она забыла,

забыла, мало ли тревог, но он король) —
 король-любимчик. Бригадир в мобилу —
 мобила истолкует; алкоголь
 (а то и алкоголь) со «здрасьте» точит уши,
 в ушах балясы: «У меня эфир!
 Эфир по ящику, Клавдия. А наружу —
 наружу из нутра лишь мат да Лир,
 Лир штопаный: “...forgive: I am old and foolish”.
 Я стар и глуп, а надо о свекле —
 про свёклу так, как в сердце караулишь,
 как караулишь в нём навеселе —
 навеселе вернувшись от подруги,
 с подругой проведя ломоть весны, —
 весны приход, который есмь о плуге,
 про плуг раздумья, оттого хмельны.
 Хмельны должны быть речи! Чтоб поблёкли —
 поблёкли трудности и выпятилась грудь,
 в груди пусть сердце защемит о свёкле.
 И о свекле б, Корделия, вернуть».

«Идите в жопу, бригадир. Я не позволю.
 Позвольте вспомнить: сплю». Ну а сама...
 Сама уходит в степь, туда, на волю —
 на воле пишется! Ах, горе от ума.

Из Хармса

Падкие брюхатые

Пустынножительницы или эскулапки,
в окно упав, они неповторимы;
старухи*, собирая их в охапки,
бранятся, как косые серафимы:

«От этой, мать, случился б уси-пуси**
по имени Бронштейн, а то и Ленин, —
как тут не затравить его бабусе!
А что ещё с ним делать, раз нетленен!»

«Напрасно, дева, раму мылом мыла —
от мыла, мать, все грёбаные беды:
не выпав, родила б Мафусаила —
а я б его ипритом за обедом».

Покойницы «травить!» грозились в раже,
«не перепáдать вам и нам до заговенья!
А в пост особенно». Но Саваоф на страже
грядущей деточки, что снищет воскресенье.

Страшные мысли Окнова***

Окнов уснул, лишь выпрыгнув в окно.
Старухи, битые за визготню в полёте

---

* «Вываливающиеся [старухи](#)».

** «Травить детей — это [жесток](#)...»

*** «Когда сон бежит от [человека](#)...» (8 марта 1938 г.).

землём до званья «мокрое пятно,
оно же место, — ежели найдёте»,
вываливались чутко — за год ног,
Окновым вытянутых с глупою привычкой,
набилось про запас (оно же «впрок», —
он днём пытался спать с неврастеничкой
одной, но сон не шёл, и он один,
чтоб половой вопрос решить хоть как-то,
нырял в окно и позже никотин
курил до одури, так надо после акта),
а дети после ядов и потрав,
как мальчишки, погрязшие в повидле
(они же «девочки»), выказывали нрав:
ногами били, проверяя, спит ли.

Из Хармса II: устный счёт (7 или 8?)

Две челюсти* буланого ребёнка,
 который, сволоочь, не давал считать
 ворон-и-галок, замечая тонко:
 «Я — и-го-гó!», что радовало мать,
 и та швырялась деткой ещё выше,
 планёрный век — планёрные сердца,
 растягивались, в воздухе повисши,
 в законченном оранье жеребца.
 Мы счёт вели броскам, мы предвкушали,
 что на *шестом* хотя бы всё замрёт:
 малец, минуя руки, по нормали,
 наверняка чтоб, рухнет, и черёд
 ловить и тискать сменится минуткой
 прискорбья над тушкой, тишина
 позволит отдышаться самокруткой,
 и мы, переглянувшись, «жизнь нежна»,
 заметим в голос. Но сия мамаша
 сие исчадие не думала ронять:
шестой полёт закончился, и даже
 начался новый, розовая прядь
 почти касалась облака, а ножки
 барахтались, взбивая высоту,
 а мы, наоборот, лежали в лёжку,
 от смеха корчась, трудностей ввиду:

---

* «Сонет»: Удивительный случай случился со мной: я вдруг забыл, что идёт раньше — 7 или 8. Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу...

забыли, что идёт! *Семь* или *восемь*!
После *шести*! — Кто хочешь пропадёт.
Но тут отродье головою оземь,
сломав все челюсти. И мы скруглили счёт.

O rus

Не смочь вдохнуть и выйти в пустоту:
руками разгребая духоту,
нагнав его, внимать ей, быть собой,
плёс, глади, перед бором у реки,
в которых только живность и крепки,
как никогда, волна, звезда, настрой

ромашковый на хвое и воде,
и, отдышавшись, захотеть в нигде
прижиться, повстречать и умереть,
репейником, тебя, потом, потом,
когда-нибудь, добившись рыбаком
любви плотвы, и лучше бы середь

дня бёла, когда лист от строчек густ
и что ни слово, то протест да хруст:
глухой, шагов по насту, сухаря,
«я не такая», в первый снег, во рту
и прочие живые наряды
с забытыми раскаты наших пря

и эхо земноводного бытья
в нигде. И — никогда. Ужели я
устану, дотяну, не уживусь,
без духоты, до старости, с тобой?..
Глаза боятся зря — иду домой,
да только где найдёшь такую rus...

РОДИЛСЯ ЧЕЛОВЕК — И ЗАВЕРТЕЛОСЬ

Покажется	7
Настроение	8
Человек-в-трусах	9
Когда разгуляюсь	10
Заглох (сломали)	13
Стакан вина (nature, чёрт, morte)	14
Чемодан вина	16
Чайник вина	18
Сегодня (набросок)	20
Погреться	22
Перепись	24
Сочельник	25
Рождество	26
Грауэрман	28
Фет	29
Она заживает (первые дни)	31
По компасу	32
Конечная (везу конфеты сыну моему)	33
Ты приехала	35
Убивает (прописи)	36
Мартовская мама	37
Ненадолго	39
Цитиус и альтиус	40
Путь, Ноги и Балбес	42
Серпуховский перелив	43
Речь	44
Гравитация	46

Снег косит	47
30 февраля	48
Разминувшись (любовное настроение)	49
Ручьём	51
Притяжение	52
И дверь захлопнула	53
Дождь и Одна	54
Нежность	56
Дорожное	57
Карнавал (посмотрела)	58
Знакомство	59
Это я	61
Она моя	63
Он мой (м. р.)	64
Любовь	65
Целая чашка	66
Медитация 922 (почему-то правая)	67
Июльский дождь	68
Полька и другие танцы	71
Воды	72
Медитация 711 (желания)	73
Кривые мёда	74
Мёд	75
Я — всё вокруг	77
Гаги (провода)	78
Мгновения	79
Одна ночь	80
Уже завтра	81
Т, М, П и другие буквы и станции Октябрьской ж. д.	82
Лорем ипсум (один дома)	83

В сумерки	85
Накоротке	86
Доживём до понедельника	87
Простые движения	88
Измена	89
Он пришёл (разговор Марины по телефону поздней зимой на рассвете)	91
У тебя не такие глаза	92
Моя хорошая	93
Порнография	95
А нет бы (нежность)	96
Этот Новый	98
Но не она они	100
Чудач и Неодета	101
Живу	103

ЧАСТИЦЫ ЯБЛОК

Частицы яблоч	107
Чайники	109
Яблоко и лимон (1930)	111
Март	112
Лыжная акварель	113
Не у вод	114
Зеленя	115
Вид сбоку (голова болит)	116
Вид снизу (апрель в Лапине)	117
Медитация 531 (дзен-басня)	118
Время колокольчиков	119
Такие высокие яблони (уже в мае)	120
Когда падаешь	122
Самолётная роща (набросок)	123

Смятение	124
Майские отрывки	125
Большой юс (Ж)	126
Разбросаны	127

КАПЛИ РЕЧИ

Превыше	131
Акварель	132
Остров Иваново	133
За миг до	134
Давно не было	136
Чернозём	137
Плотва и др. (р. Керженец)	139
Человек, перешедший Волгу вброд (важнейшее из всех для нас)	140
Вас записывают	142
По воде	144
Сквозит	146
Но не она они	100
Чудач и Неодета	101
И о погоде (рамы, Лары и дамы)	147
Поэт	148
Дорожная непутёвая (срамная песенка для курящих)	149
Трамвай (романс)	151
Медитация 619	152
Ветер в иве	153
Это лето (чудо луж)	155
Всё-таки выбрался (лёжа у Оки)	156
Бабочки	157
Вечер, пятница, лето (окраина)	158

Птица, летящая на свет (дверь на чердак)	160
Общество спальных вагонов —	
Обществу жидкой Земли:	161
Пианино	162
Иногда тонет	163
Протокол	165
Корень: счастье	166

СТЁКЛА КОЛКИ

Первый чай	169
Бумага	170
По яблоки	172
Прощание	173
Прощание с Р	174
Кому: Ей	176
Отправляю тебе бересту	178
Помяни	179
Пиши ещё	180
Это реальная история	182
Это реальная история — 2	183
Прол-н-ролл	185
Прол-н-ролл-II	187
У автомата (набросок)	189
Голос в трубке	191
Первый снег	192

Я МНЕ НАДОЕЛ

Чай (набросок)	197
Додо (набросок)	199
Апельсины из Сицилии	201
Рыжая звериная лыжная песенка	202

Три стороны одного квадрата	204
Мне б	206
Шар не знал	207
Акробатические этюды	209
Желание моря	212
Вещи	214
Тёплые вещи	215
ИКЕА	217
Недописанный	219
Мой хлебный пёс	221
Часть тушки	223
Стюардессы по имени Жанна	225
Россия неизбежна	226

А СИНЬ ПИСЬМА?

Медитация 427 (наваждение с чаем)	229
Переключка	231
Который	233
.	234
Слова одни	235
Начало слова	237
Опрокинулось	238
Заткнитесь (тише, пожалуйста)	240
Прибытие	242
Предчувствие	243
Обратная сторона Земли	244
Из Пушкина	245
Одна фотокарточка	247
М-м-м, Мила	249
Умная Клава (прописи)	252

Из Хармса	254
Из Хармса II: устный счёт (7 или 8?)	256
O rus	258

тридцатое февраля
серпухов 2018 / 3

